

ПАВЕЛ ЛИМОНОВ

РАЗВОД С ДРАКОНОМ.

КОРОНУ — В СЧЕТ
АЛИМЕНТОВ

Павел Лимонов

**Развод с драконом. Корону
— в счет алиментов**

«Автор»

2026

Лимонов П.

Развод с драконом. Корону — в счет алиментов / П. Лимонов —
«Автор», 2026

На шестнадцатую годовщину свадьбы император-дракон посадил любовницу на мое место. А мне предложил развод, загородный дом и скромное содержание — в обмен на отказ от всех претензий. Он забыл, кто спас его империю. Шестнадцать лет назад мой род передал династии семь огненных сердец, защищающих страну от пепельных бурь. Долг так и не вернули. А залогом служит Венец Семи Огней — императорская корона. — Чего ты хочешь, Лея? Денег? — Корону. В счет алиментов. Суд отдает мне Венец, а бывший муж приходит в ярость. Но радоваться рано: один из защитных маяков вот-вот погаснет, а его настоящее сердце украдено. Чтобы найти виновных, мне придется объединиться с опальным драконом Тареном Эшвальдом. Он ненавидит императорский двор. И меня — за подпись, которая однажды сломала ему жизнь. Теперь мне предстоит спасти империю, которая отвернулась от меня. И решить, рискну ли я снова доверить кому-то свое сердце.

Содержание

Глава 1. Подарок к годовщине	5
Глава 2. Содержание для ненужной жены	34
Глава 3. Император тоже должник	66
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Павел Лимонов

Развод с драконом. Корону — в счет алиментов

Глава 1. Подарок к годовщине

В день шестнадцатой годовщины нашей свадьбы я распорядилась отправить на север сорок семь повозок зерна, отказала канцлеру в покупке новых парадных экипажей и обнаружила, что мой муж уже девять раз за месяц не ночевал в наших покоях.

Последнее я заметила не сразу.

Первые две неприятности требовали немедленного решения, а к третьей я, кажется, начала привыкать.

— Ваше величество, если мы отправим столько зерна в Северную провинцию, придется сократить поставки для дворцовых пекарен, — сообщил управляющий снабжением.

Он стоял перед моим столом с таким выражением лица, будто я предложила разобрать императорский дворец по кирпичику.

— Насколько сократить?

— На треть.

— Прекрасно. Значит, вместо двенадцати видов хлеба за ужином будет восемь.

— Не обязательно восемь, ваше величество.

Я подняла глаза.

— Что?

— Муки станет меньше на треть, но пекари могут уменьшить караваи и сохранить все двенадцать видов...

— Господин Таск, — перебила я, — в поселке Мшистый Брод закончились запасы муки. У них сто восемьдесят жителей, из них сорок два ребенка, и один разрушенный мост. Меня совершенно не волнует, каким способом дворцовые пекари разделят оставшееся тесто.

Он покраснел.

— Простите.

— Не извиняйтесь. Отправьте повозки.

Я поставила подпись на распоряжении и протянула ему лист.

Таск поклонился, но уходить не спешил.

— Что-то еще?

— Канцлер просил передать, что расходы на сегодняшний прием уже превысили утвержденную сумму.

— На сколько?

Он назвал цифру.

Я медленно отложила перо.

— За эти деньги можно восстановить мост в Мшистом Броде.

— Вероятно, ваше величество.

— А если отказаться от новых экипажей, о которых просил господин Острен, мы восстановим еще два.

Управляющий осторожно кашлянул.

— Боюсь, канцлер будет недоволен.

— Господин Острен бывает доволен исключительно тогда, когда казна открыта, а я нахожусь достаточно далеко, чтобы не видеть, куда исчезают деньги. Передайте ему мой отказ.

Когда дверь за управляющим закрылась, я посмотрела на часы.
Без четверти одиннадцать.

До торжественного ужина оставалось восемь часов.

Шестнадцать лет назад в этот день я вышла замуж за человека, ради которого была готова покинуть родной дом, отказаться от привычной жизни и стать частью чужого мира.

Тогда мне был двадцать один год.

Теперь мне было тридцать семь, и большую часть утра я провела за подсчетом мешков с зерном.

Не самое романтическое занятие для императрицы.

Впрочем, последние несколько лет романтика в нашем браке вообще встречалась реже, чем разумные предложения от канцлера.

Я откинулась на спинку кресла и потеряла переносицу.

На письменном столе стояла небольшая серебряная шкатулка. Внутри лежал мой подарок Кайрану — старый компас в новом корпусе.

Когда-то, еще до свадьбы, мы заблудились в Белых горах.

Точнее, заблудилась я.

Кайран был драконом и прекрасно знал дорогу, но не спешил сообщать мне об этом.

Три часа мы пробирались через лес, спорили о направлении, промочили ноги и едва не лишились ужина из-за голодной лисицы.

Когда я в очередной раз уверенно указала на запад, он рассмеялся и подарил мне свой походный компас.

— Чтобы моя будущая жена хотя бы иногда понимала, куда идет.

Я тогда ответила, что у будущего мужа отвратительные манеры.

Он поцеловал меня прямо посреди тропы.

И я забыла, что хотела сказать дальше.

Старый компас давно сломался. В прошлом месяце я нашла мастера, который восстановил механизм, сохранил царапину на крышке и заменил поврежденную цепочку.

Глупый подарок, наверное.

У императора Эстрана имелось достаточно вещей, сделанных из золота, драгоценных камней и редких магических металлов. Но мне хотелось подарить ему что-нибудь наше, из жизни до императорских церемоний.

Я взяла шкатулку и провела пальцем по крышке.

— Если продолжишь так смотреть на нее, она начнет смотреть в ответ.

Я обернулась.

В дверях стояла Нора Севир.

На ней было темно-синее платье без украшений, волосы собраны на затылке, а под мышкой торчала толстая папка.

Нора даже на чай приходила с документами, новостями или неприятностями. Чаще всего — со всем сразу.

— Ты опять без доклада о прибытии? — спросила я.

— Меня знают все стражники восточного крыла. Кроме того, у тебя сегодня годовщина. Я решила, что заслуживаю хотя бы одного дня без церемоний.

Она села напротив и поставила папку на стол.

— Ты выглядишь усталой.

— Спасибо. Именно это мечтает услышать каждая женщина перед праздничным ужином.

— Если хочешь, могу соврать.

— Попробуй.

Нора внимательно посмотрела на меня.

— Ты ослепительно прекрасна, дворцовые счета сами приходят в порядок, а твой супруг настолько влюблен, что наверняка уже заказал тебе подарок.

Я невольно улыбнулась.

— Последнее особенно убедительно.

— Я старалась.

Нора придвинула к себе папку.

Несколько лет назад она заведовала казначейством дворцовых хозяйств, пока не поссорилась с канцлером из-за подозрительных расходов. Формально Нора ушла по собственному желанию. Фактически Гердан Острен добился ее отстранения.

С тех пор она помогала мне разбирать сложные документы и считала своим долгом говорить то, чего остальные придворные произносить не решались.

— Что у тебя? — спросила я.

— Отчеты по северным поставкам. И кое-что странное.

Она раскрыла папку.

— За последние полгода казначейство трижды меняло порядок распределения средств между маяками. Теперь часть расходов проходит через особый резерв канцлера.

— Это законно?

— Формально да. При наличии распоряжения императора.

— Оно есть?

Нора перевернула страницу.

— Вот в этом и проблема. Я пока видела только ссылку на распоряжение.

Я взяла документ.

Семь Огненных маяков были основой безопасности Эстранской империи.

Каждая башня защищала свою провинцию от пепельных бурь, приходивших из-за восточных хребтов. Обычно их удерживали внешние защитные поля, но во время особенно сильных бурь требовалось согласованное действие всей сети.

Поэтому расходы на маяки проверяли строже, чем закупки оружия.

Во всяком случае, должны были.

— Я запрошу подлинник, — сказала я.

— Уже запросила. Получила отказ.

— По какой причине?

— Государственная тайна.

Я нахмурилась.

— Финансирование защитных башен не может быть тайной от императрицы.

— Я сказала примерно то же самое. Только менее вежливо.

Я просмотрела суммы.

Несколько переводов казались странными. Не столько из-за размеров, сколько из-за дат.

— Здесь платеж за восстановление северного накопителя, — заметила я. — Но насколько я помню, в прошлом году его уже ремонтировали.

— Тоже заметила.

— Свяжись с инженерами. Попроси сведения напрямую.

Нора кивнула и закрыла папку.

— А теперь о том, ради чего я на самом деле пришла.

— Если скажешь, что канцлер заказал себе золотой умывальник, я уйду в монастырь.

— Хуже. Сегодня за главным столом изменили рассадку.

Я подняла голову.

— Что значит изменили?

— Княжну Иланию Роэн посадили справа от императора.

Несколько секунд я смотрела на нее, ожидая продолжения.

— Там сижу я.

— Знаю.

— Возможно, речь о месте во время утреннего приема.

— Нет. О праздничном ужине.

Я отложила бумаги.

— Кто распорядился?

— Канцлерская служба. Ссылаются на личную волю его величества.

У меня похолодело внутри.

Илания Роэн прибыла ко двору четыре месяца назад в составе торгового посольства. Ее отец управлял богатым княжеством на южной границе и уже много лет добивался особых условий торговли с Эстраном.

Княжна была хороша собой, умела поддержать разговор и прекрасно танцевала.

Ничего дурного в этом не было.

Но в последнее время ее имя появлялось рядом с именем моего мужа слишком часто.

Сначала на приемах.

Потом на охоте.

Затем на закрытых совещаниях, где представительнице торгового княжества вообще было нечего делать.

— Вероятно, ошибка, — произнесла я.

Нора посмотрела на меня.

— Лея.

Я терпеть не могла этот тон.

Так она говорила, когда я упрямо отказывалась замечать очевидное.

— Не начинай.

— Я ничего не начала.

— Ты смотришь так, будто уже собираешься объяснять мне очевидное.

— А ты ведешь себя так, будто очевидное исчезнет, если не произносить его вслух.

Я встала и подошла к окну.

За стеклом расстился внутренний сад. Садовники украшали дорожки белыми лентами, слуги расставляли фонари, а у центрального фонтана собирали большой цветочный герб дома Дорвейнов.

Все готовилось к празднику.

Нашему празднику.

— Кайран ведет переговоры с ее отцом, — сказала я. — Возможно, их хотят почтить особым вниманием.

— На вашей годовщине?

Я промолчала.

— Лея, я не собираюсь убеждать тебя в том, чего не могу доказать, — тихо произнесла Нора. — Но будь осторожна сегодня.

Я обернулась.

— Ты что-то знаешь?

Она помедлила.

— Я знаю, что вчера вечером из церемониальной комнаты вынесли твой трон.

Мне стало трудно дышать.

— Зачем?

— Сказали, что он требует реставрации.

— Именно перед праздником?

— Именно.

Я посмотрела на серебряную шкатулку со старым компасом. Шестнадцать лет вместе — и мне приходилось выяснять через подругу, где я буду сидеть на нашем празднике.

Я вдруг представила, как торжественно Кайран вручает мне драгоценное ожерелье, а я протягиваю ему вещь, ценную только для нас двоих.

И почему-то мне стало стыдно.

— Я поговорю с ним, — сказала я.

— Хорошо.

Нора поднялась.

У двери она остановилась.

— И надень сегодня бордовое платье.

— Почему?

— Потому что в нем ты выглядишь так, словно способна приказать целой армии развернуться и уйти домой.

— Это комплимент?

— На сегодняшний вечер — лучший из возможных.

Кайрана я нашла ближе к полудню.

Он стоял в западной галерее перед широким окном и разговаривал с Герданом Остреном.

Оба замолчали, едва я подошла, и уже не пытались сделать вид, что разговор закончился сам собой.

— Доброе утро, — сказала я.

— Лея.

Муж повернулся ко мне.

В сорок два года Кайран выглядел почти так же, как в день нашей свадьбы.

Драконы старели медленнее людей. Его черные волосы оставались густыми, широкие плечи не потеряли силы, а золотистые глаза по-прежнему привлекали внимание женщин, которых он удостаивал улыбки.

На правой скуле у него виднелась едва заметная светлая полоса — след старой раны, полученной задолго до восшествия на престол.

Когда-то я любила касаться ее губами.

Сейчас он выглядел раздраженным.

— Ты занята? — спросил он.

Вопрос прозвучал странно.

Я едва не рассмеялась.

— В меру. Северные поселения пытаются пережить зиму, канцлер покупает экипажи, а повара переживают из-за недостатка хлеба. Обычное утро.

Гердан Острен учтиво склонил голову.

— Полагаю, вопрос с экипажами можно обсудить позднее.

— Мы его уже обсудили, канцлер.

— Ваше величество, речь идет о представительских нуждах...

— А я говорю о том, что в бюджете нет средств на еще шесть золоченых карет.

Он поджал губы.

Кайран недовольно посмотрел на меня.

— Лея, не сейчас.

— Конечно. Я пришла не ради экипажей.

Муж перевел взгляд на канцлера.

— Оставьте нас.

Острен поклонился.

Уходя, он на мгновение задержал взгляд на моем лице.

Так он смотрел на меня всякий раз, когда заранее считал спор выигранным.

Когда мы остались одни, Кайран подошел к столику, налил себе воды и только после этого спросил:

— Что случилось?

Я могла начать с рассадки.

Могла спросить об Илании.

Могла прямо сказать, что мне не нравятся его поздние возвращения.

Но вместо этого произнесла:

— Сегодня шестнадцать лет, как мы женаты.

Он замер с бокалом в руке.

Совсем ненадолго.

Затем поставил его на стол.

— Я помню.

— Правда?

— Лея.

— Прости. Глупый вопрос.

Я подошла ближе.

Когда-то между нами не существовало этого нелепого расстояния в несколько шагов.

Мне не требовалось искать удобный момент, чтобы поговорить с собственным мужем.

— Мне сказали, что вечером изменили рассадку, — произнесла я.

Кайран опустил глаза.

— Да.

— Илания будет сидеть справа от тебя?

— Это необходимо.

— Для чего?

— Для дипломатического приема.

Я посмотрела на него.

— Кайран, это наш праздничный ужин.

— На котором присутствуют представители семи провинций и три иностранных посольства. Не стоит забывать о государственных интересах.

— Я никогда о них не забывала.

— Именно поэтому надеюсь, что ты поймешь.

Он говорил ровно, почти терпеливо.

Так разговаривают с человеком, которому хотят отказать, не утруждая себя настоящим объяснением.

— Где буду сидеть я? — спросила я.

Кайран помолчал.

— Твое место подготовят.

— Где?

— Лея, это всего лишь ужин.

Я злилась все сильнее, но говорила ровно, почти отчужденно.

— Тогда скажи мне, где я буду сидеть на этом всего лишь ужине.

Он раздраженно выдохнул.

— Я разберусь.

— Сейчас?

— После совещания.

— Ты только что закончил совещание.

— У меня есть другие дела.

Я смотрела на него и никак не могла понять, когда мы научились так разговаривать.

Словно два чиновника, которым не удалось согласовать поставку камня для ремонта дороги.

— Кайран, — тихо произнесла я, — между нами что-то происходит?

Он отвел взгляд.

И я поняла, что он опять уходит от ответа.

— Мы поговорим вечером, — сказал он.

— Почему не сейчас?

— Потому что я не хочу начинать серьезный разговор в коридоре.

— Тогда пригласи меня в кабинет.

— Вечером, Лея.

Он коснулся моего плеча.

Раньше такое прикосновение успокаивало меня.

Теперь его ладонь показалась чужой.

— Постарайся не усложнять сегодняшний день, — добавил Кайран.

Я медленно отступила.

— Разумеется.

Он ушел, не поцеловав меня.

Я осталась возле окна.

Во дворе поднимали флаги с гербом императорского дома.

Черный дракон, обвивающий золотое солнце.

Шестнадцать лет назад я собственноручно вышила этот герб на свадебном плаще мужа. Уколола палец, испачкала ткань кровью, расплакалась от досады.

Кайран тогда сказал, что несколько красных нитей только украсят вышивку.

А теперь ему не хватило времени даже на обычное поздравление.

К вечеру меня одели так, будто я собиралась не отмечать годовщину, а лично принимать капитуляцию вражеского государства.

Нора настояла на бордовом шелке.

Платье плотно облегло талию, открывало плечи и ниспадало тяжелыми складками до самого пола. По корсажу тянулась вышивка темным золотом, изображавшая семь огненных ветвей.

Волосы мне уложили высоко, оставив несколько прядей у лица.

На шее лежало ожерелье из гранатов.

Его Кайран подарил мне на десятую годовщину.

Тогда он еще сам выбирал украшения.

Последние несколько лет подарками занимались придворные ювелиры, а муж ставил подпись под счетом.

— Ты очень красивая, — сказала горничная Мира.

Я посмотрела на отражение.

Женщина в зеркале действительно была красивой. Тридцать семь лет не превратили меня в старуху, как иногда пытались намекать придворные дамы, привыкшие считать двадцатипятилетие началом увядания.

У меня оставались густые каштановые волосы, ясные серо-зеленые глаза, ровная спина и фигура, за которую я благодарила ежедневные прогулки, а не дворцовые корсеты.

Но возле глаз появились маленькие морщинки.

А на лбу — складка, возникавшая всякий раз, когда я изучала очередной императорский бюджет.

Я разгладила ее пальцем.

Не помогло.

— Его величество уже прибыл в зал? — спросила я.

Мира замялась.

— Думаю, да.

— Ты не знаешь?

— Мне сообщили только, что... — Она осеклась.

— Договаривай.

Девушка нервно поправила ленту на моем рукаве.

— Ваша обычная свита сегодня не требуется.

Я медленно повернулась.

— Кто распорядился?

— Церемониальная служба.

— И давно?

— Около часа назад.

Я посмотрела на дверь.

Обычно к торжественным выходам меня сопровождали две придворные дамы, начальник личной охраны и несколько служителей. Сегодня коридор за дверью был пуст.

— Позови Нору.

— Ее уже не пустили в западное крыло, ваше величество.

— Кто не пустил?

— Новый начальник караула.

Я на секунду закрыла глаза, собираясь с мыслями.

— Хорошо. Подай мой плащ.

— Может, вы хотите остаться...

— Нет.

Я сама застегнула украшение на запястье.

— Сегодня годовщина моей свадьбы. И я намерена присутствовать на собственном празднике.

Мира опустила голову.

Когда я вышла из покоев, у дверей стояли двое незнакомых стражников.

Они вытянулись по стойке смирно.

— Ваше величество.

— Где капитан Редгар?

— Переведен на другую службу.

— Когда?

— Сегодня утром.

Еще одно изменение, о котором мне предпочли не сообщать.

Я пошла по коридору.

Мои каблуки глухо стучали по отполированному камню.

На стенах горели светильники с магическим огнем. Их ровное золотое сияние отражалось в зеркалах и портретах прежних императоров.

Один из них, прадед Кайрана, смотрел на меня с привычным выражением каменного недовольства.

Я мысленно пожелала ему удачного вечера.

Судя по всему, нам обоим предстояло разочароваться в его потомке.

В Зале Семи Огней собралось больше двухсот гостей.

Музыканты играли у северной стены, под высоким куполом плавали сотни маленьких огненных сфер, а длинные столы ломились от блюд.

На центральном возвышении за главным столом остался только один трон. Мой убрали.

Я остановилась у входа.

Слуга, объявлявший гостей, побледнел.

— Ее императорское величество Лея Дорвейн!

Несколько разговоров оборвались.

Люди обернулись.

Я увидела знакомые лица: наместников, советников, генералов, дипломатов, жен придворных чиновников.

Некоторые поклонились.

Другие сделали это с заметной задержкой.

Кайран сидел на возвышении.

Справа от него расположилась Илания Роэн.

На ней было белое платье, расшитое золотыми нитями. Светлые волосы падали на обнаженные плечи, а на груди сияла подвеска с крупным рубином.

Я узнала ее.

Рубин из коронной сокровищницы.

Украшение, которое традиционно надевала супруга правителя на первом публичном представлении.

Несколько секунд я просто смотрела на подвеску.

Потом перевела взгляд на мужа.

Кайран поднялся.

Илания осталась сидеть, хотя по придворному этикету обязана была встать перед императрицей.

Я подошла к возвышению.

— Добрый вечер, ваше величество, — произнесла я достаточно громко, чтобы ближайšie гости услышали.

Кайран напрягся.

— Лея.

Он не протянул руку.

Я скользнула взглядом по единственному трону.

— Кажется, дворцовые плотники так и не закончили реставрацию моего трона.

Несколько человек позади меня тихо кашляли.

Илания улыбнулась.

У нее была очень красивая улыбка.

Ровные зубы, полные губы — и любезность, слишком старательная, чтобы казаться искренней.

— Ваше величество, — сказала она, — мне сообщили, что для вас приготовили место среди почетных гостей.

— Как предусмотрительно.

Она слегка приподняла подбородок.

— Надеюсь, вы не сочтете это неуважением.

— Разумеется, сочту, княжна.

Ее улыбка застыла.

Я продолжила:

— Но не стану обвинять вас в распоряжениях, которые вы не имеете права отдавать.

И посмотрела на Кайрана.

Муж сжал подлокотник кресла.

— Лея, нам необходимо поговорить.

— Ты уже обещал мне это сегодня.

— После объявления.

Я сцепила пальцы, чтобы не выдать растерянности.

— Какого объявления?

Он молчал.

И в этой паузе вдруг стало совершенно ясно, зачем здесь собрались представители всех провинций.

Зачем изменили рассадку.

Зачем заменили моих стражников.

Зачем запретили Норе входить в западное крыло.

Я посмотрела на Иланию.

Она первой отвела глаза.

— Что ты собираешься сделать? — спросила я.

Кайран ответил не сразу.

— Прошу тебя сохранить достоинство.

Никогда прежде я не слышала более нелепой просьбы.

Не кричать.

Не плакать.

Не испортить ему вечер.

Вот что он подразумевал.

Я выпрямилась.

— Не беспокойся. Я постараюсь не отвлекать гостей от десерта.

Кайран дернул щекой.

Затем подозвал церемониймейстера.

Мне указали место за первым боковым столом, рядом с супругой наместника Западных земель и пожилым послом, который плохо слышал.

Я пошла туда, чувствуя на себе десятки взглядов.

Никто не остановил меня.

Никто не спросил, что происходит.

Только госпожа Варен, жена западного наместника, привстала, когда я подошла.

— Ваше величество...

— Сидите, дорогая.

Она села.

На столе передо мной стояла тарелка с запеченной перепелкой.

Я ненавидела перепелов.

Кайран прекрасно об этом знал.

Нелепая подробность.

Но именно она почему-то оказалась последней каплей.

Я посмотрела на птицу и внезапно захотела рассмеяться.

Не смогла.

Музыка стихла.

Кайран поднялся.

Его голос, усиленный дворцовой акустикой, разнесся под куполом.

— Дорогие гости. Сегодня мы собрались не только отметить важную дату в истории моего дома, но и объявить о решении, от которого зависит будущее Эстранской империи.

Он говорил уверенно.

Так же, как много раз выступал перед Советом провинций.

Я знала каждую интонацию.

Знала, когда он делает паузу, чтобы придать словам вес.

Знала, когда собирается произнести нечто неприятное и заранее готовит слушателей к мысли о неизбежности.

— Шестнадцать лет назад наш брак с Леей Вальден укрепил союз двух древних родов. Этот союз принес империи мир и процветание.

В зале стало тихо.

Я положила ладони на колени.

— Но времена меняются, — продолжил Кайран. — Меняются обстоятельства, государственные потребности и личные судьбы.

Госпожа Варен рядом со мной затаила дыхание.

— Поэтому сегодня я объявляю о намерении расторгнуть мой брак с Леей Дорвейн.

Кто-то ахнул.

Где-то звякнул упавший прибор.

А я продолжала смотреть на мужа.

На его прямую спину, на руки, которыми он держался за край трибуны, на знакомое лицо человека, с которым я провела шестнадцать лет.

Все происходило слишком быстро, чтобы мысли успевали складываться в осмысленные фразы.

Кайран говорил дальше.

— Решение было непростым. Я благодарен Лее за годы преданности и служения империи. Она навсегда останется достойной представительницей рода Вальден, а государство обеспечит ей почетное содержание.

Почетное содержание.

Я повторила эти слова про себя.

Еще утром я распределяла средства между семью провинциями.

Теперь меня собирались содержать.

— В ближайшее время будет заключен новый династический союз с княжеским домом Роэн.

Илания поднялась.

Она сделала шаг к Кайрану, и он протянул ей руку.

Мой муж.

Мужчина, который утром не нашел времени поздравить меня с годовщиной.

Теперь держал за руку другую женщину.

— Представляю вам мою избранницу, княжну Иланию Роэн.

Аплодисменты начались не сразу.

Сначала несколько человек за центральным столом осторожно захлопали.

Затем присоединились остальные.

Я видела, как наместники переглядываются, оценивая новый союз.

Как придворные дамы уже стараются поймать взгляд Илании.

Как канцлер Острен наблюдает за происходящим с видом человека, который прекрасно выполнил порученную ему работу.

Аплодисменты становились громче.

Я не хлопала.

Сидевший напротив посол наклонился ко мне.

— Простите, ваше величество, я не совсем расслышал. Его величество объявил новый торговый договор?

Я посмотрела на него.

Седые брови, дрожащие пальцы, искреннее недоумение.

— Нет, господин посол.

— А что же?

— Меня только что развели при свидетелях.

Он вытаращил глаза.

— Но ведь сегодня ваша годовщина!

— Именно.

Посол медленно снял очки.

— У драконов весьма странные традиции.

На этот раз я все-таки рассмеялась — коротко, срывающимся смехом. Женщина рядом испуганно коснулась моего запястья.

Я поднялась.

Никто не попытался удержать меня.

Я подошла к возвышению.

Кайран увидел меня и нахмурился.

— Лея...

— Я хотела уточнить одну подробность, ваше величество.

Его пальцы крепче сомкнулись на руке Илании.

— Это можно обсудить позже.

— Ты уже дважды предложил поговорить позже. Боюсь, если мы продолжим, к утру я обнаружу, что мне не осталось даже комнаты, в которой можно ждать этого разговора.

В зале стало совершенно тихо.

Я слышала собственное дыхание.

Кайран посмотрел на гостей.

— Не устраивай сцену.

— Какую именно сцену?

— Ты понимаешь.

— Нет. Я только что узнала, что мой муж намерен расторгнуть шестнадцатилетний брак. Узнала одновременно с двумя сотнями приглашенных. Полагаю, я имею право задать хотя бы один вопрос.

— Лея, довольно.

— Когда ты собирался сообщить мне об этом лично?

Его лицо изменилось.

На мгновение я увидела не императора, а человека, которому действительно было неловко.

Но он быстро справился с собой.

— Сегодня вечером.

— После объявления?

— Перед ним. Если бы ты не...

Он осекся.

Я ждала.

— Если бы я не пришла? — закончила за него.

Илания осторожно высвободила руку.

— Возможно, нам стоит...

— Княжна, — сказала я, не глядя на нее, — если у вас есть желание вмешаться в разговор супругов, выбирайте момент после официального решения суда.

Ее лицо вспыхнуло.

Кайран шагнул вперед.

В его глазах сверкнуло золото.

Так бывало, когда огненный дракон злился.

Раньше этот блеск заставлял меня волноваться.

Сейчас я почувствовала только усталость.

— Ты забываешься, Лея.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Нет, Кайран. Я очень хорошо помню, кто я. А вот тебе, кажется, придется напомнить, кем я была все эти годы.

Он хотел что-то ответить.

Не успел.

Я сама сделала шаг назад, повернулась и пошла к выходу.

Мне хотелось бежать.

Сбросить тяжелые туфли, поднять подол платья и нестись по коридору, пока никто не увидит моего лица.

Но шестнадцать лет при дворе кое-чему меня научили.

Когда тебя хотят унижить, не обязательно помогать обидчику.

Поэтому я шла медленно.

И только за дверями Зала Семи Огней позволила себе остановиться.

До своих покоев я не дошла.

Кайран догнал меня в Малой галерее.

— Лея!

Я продолжила идти.

— Остановись.

— Мне показалось, ты уже достаточно наговорился сегодня.

Он обогнал меня и преградил дорогу.

— Нам нужно обсудить условия.

Я смотрела на него.

— Условия чего?

— Нашего расставания.

— Как деликатно.

— Прошу, не надо.

— Чего именно? Не надо разговаривать с тобой так, как ты разговаривал со мной последние месяцы?

Кайран стиснул зубы.

— Я понимаю, что тебе больно.

— Неужели?

— Но решение принято.

— Кем?

Он нахмурился.

— Что за вопрос?

— Кем принято решение? Ты советовался со мной? Мы обсуждали развод? Или меня просто забыли пригласить на заседание, где распределяли мою дальнейшую жизнь?

— Не превращай все в придворный спор.

Я невольно улыбнулась.

— Ты очень удобно выбираешь, когда государственные дела являются государственными, а когда это всего лишь наша личная проблема.

Муж долго смотрел на меня, потом указал на дверь небольшого кабинета.

— Давай поговорим там.

Я вошла первой.

Это была комната, где мы раньше иногда ужинали вдвоем.

Здесь не было тронов и длинных столов.

У окна стояли два кресла, между ними маленький столик, на камине — бронзовая фигурка дракона, которую я подарила Кайрану после первой годовщины.

Он сохранил ее.

Я вдруг захотела спросить зачем.
Но не спросила.
Кайран закрыл дверь.
— Я не хотел, чтобы все произошло таким образом.
Я обернулась.
— Тогда почему именно так все и произошло?
Он отвел взгляд.
— Обстоятельства изменились.
— Тебе придется объяснять подробнее.
— Союз с домом Роэн чрезвычайно важен для империи. Их торговые пути, южные гавани, поставки магического металла...
— Я знакома с договором.
— Тогда должна понимать.
— Понимать что? Почему для выгодной торговли необходимо объявлять развод на праздничном ужине?
Кайран резко выдохнул.
— Дело не только в торговле.
Вот оно.
Наконец.
Я подошла к одному из кресел и оперлась рукой на спинку.
— Ты любишь ее?
Он помедлил, прежде чем ответить:
— Илания мне дорога.
Я кивнула.
— Как давно?
— Лея...
— Сколько месяцев?
— Это ничего не изменит.
— Для тебя, возможно. Мне хотелось бы знать, сколько времени я сидела рядом с человеком, который уже планировал другую жизнь.
Кайран потер лицо ладонью.
Впервые за весь день он выглядел уставшим.
Не величественным.
Не непоколебимым.
Просто раздраженным мужчиной, которому не хотелось отвечать на неприятные вопросы.
— Почти год, — наконец произнес он.
Я не сразу поняла.
— Что?
— Мы сблизились почти год назад.
Почти год.
Илания официально прибыла ко двору четыре месяца назад.
Значит, все началось задолго до ее появления в столице.
На переговорах.
В поездках.
В те недели, когда Кайран говорил мне, что задерживается из-за государственных дел.
Я вдруг вспомнила прошлую зиму.

Он вернулся с юга простуженным, хотя драконы редко болели обычными человеческими болезнями. Я два дня сидела возле его постели, пока целительницы приводили в порядок истощенную магию.

Кайран тогда держал меня за руку.

Говорил, что скучал.

А потом попросил организовать новый прием для торговой делегации Роэн.

Я вспомнила, как ухаживала за ним после той поездки, и отступила от кресла.

— Ты приводил ее в мой дом.

— Дворец принадлежит императорскому роду.

Я посмотрела на мужа.

— Вот как.

Он явно понял, что сказал не то.

— Я не это имел в виду.

— Нет, Кайран. Именно это.

Я отошла к окну.

За стеклом виднелся освещенный сад.

Там все еще гуляли гости.

В зале продолжался праздник.

Наверняка уже подали сладкое.

— Почему ты просто не сказал мне правду? — спросила я.

— Я пытался подобрать подходящий момент.

— Целый год?

— Ты постоянно была занята делами империи.

Я медленно повернулась.

— Прости?

Он поморщился.

— Я не обвиняю тебя.

— Тогда что это?

— Лея, наш брак давно перестал быть браком. Мы практически не видимся. Ты проводишь дни с казначеями, управляющими и наместниками. Даже за ужином говоришь о поставках, ремонте дорог, нехватке средств. Иногда мне кажется, что я женат на своем совете министров.

Я смотрела на него, не находя слов.

Потом тихо спросила:

— А кто должен заниматься этими делами?

— Для этого существуют чиновники.

— Которых ты назначаешь. И за которыми приходится проверять каждый второй отчет.

— Ты преувеличиваешь.

— Сегодня канцлер потребовал деньги на шесть новых карет. В прошлом месяце дворцовая служба хотела заменить все люстры. А на севере семь поселков остались без продовольствия, потому что поставщики решили, что им выгоднее продать зерно на юг.

— Именно об этом я и говорю! — воскликнул Кайран. — Даже сейчас ты продолжаешь обсуждать хозяйственные вопросы!

Я замолчала.

Он тоже.

Несколько секунд мы стояли друг напротив друга.

Я вдруг увидела то, чего раньше не хотела замечать. Муж не спрашивал, чем я занимаюсь и почему задерживаюсь за документами. Ему было достаточно того, что дела идут своим чередом; сколько сил на это уходит, его не интересовало.

Он привык, что все устроено.

Пища появляется на столах.

Дороги ремонтируются.

Наместники получают выплаты.

Семь маяков продолжают гореть.

А жена всегда рядом, если понадобится совет или поддержка.

— Ты мог попросить меня проводить с тобой больше времени, — сказала я.

Кайран устало покачал головой.

— Ты не понимаешь.

— Тогда объясни.

Он посмотрел на меня почти с жалостью.

От этого взгляда мне стало хуже, чем от всех его слов.

— Рядом с Иланией я снова чувствую себя живым. Она видит во мне мужчину, Лея. Не правителя, не источник средств для очередного государственного проекта. Мужчину.

Я успокоилась ровно настолько, чтобы задать следующий вопрос.

Так бывает, когда долго боишься услышать что-то страшное, а потом узнаешь, что реальность оказалась еще неприятнее.

— А я, значит, видела в тебе только императора?

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Нет. Боюсь, что уже не знаю.

Я подошла к маленькому столику.

На нем стояла хрустальная ваза.

Шестнадцать лет назад Кайран собственноручно сорвал для меня цветы в саду старого дворца. Они завяли через два дня, но он попросил сохранить вазу, в которой я их поставила.

Теперь она была пустой.

Я осторожно коснулась ее края.

— Ты помнишь нашу свадьбу? — спросила я.

Кайран нахмурился.

— Разумеется.

— Ты помнишь, что сказал мне перед церемонией?

Он помолчал.

— Что люблю тебя.

— Нет. Это ты сказал после.

Я повернулась к нему.

— Перед церемонией ты сказал: «Мне страшно, Лея. Я не знаю, сумею ли стать хорошим императором». А я ответила, что тебе не обязательно быть хорошим императором каждую минуту. Иногда достаточно быть просто моим мужем.

Кайран отвел глаза.

— Мы были молоды.

— Да. Наверное, в этом и заключалась наша ошибка.

Я не стала объяснять, что не считала те годы ошибкой.

Несмотря ни на что.

У нас было хорошее время.

Мы много смеялись.

Путешествовали по северным землям, когда позволяла обстановка.

Он учил меня различать драконьи звезды, я заставляла его читать финансовые отчеты.

Во время страшной зимы мы вместе ночевали в холодной северной крепости, потому что солдаты отдали свои комнаты семьям беженцев.

Я любила человека, с которым смеялась и ночевала в холодной крепости. Не за титул и драконью силу.

И сейчас мне было мучительно больно признавать, что для него вся эта жизнь превратилась в неудачное обязательство.

— Я обеспечу тебе достойное положение, — заговорил Кайран, будто разговор о прошлом закончился. — Ты не останешься без средств.

Он подошел к письменному столу и достал из папки несколько листов.

Вот, значит, зачем они лежали здесь.

Все было подготовлено заранее.

Муж протянул мне документы.

— Поместье в Лазурной долине. Небольшой дворец, лесные угодья, доход от двух виноградников. Ежегодное содержание из личной казны.

Я взяла листы.

Внимательно прочитала первую страницу.

Затем вторую.

Кайран наблюдал за мной.

— Это весьма щедрые условия.

— Для кого?

— Для тебя.

— Понятно.

Я перевернула страницу.

На третьем листе находилось главное.

— Полный отказ от имущественных требований к дому Дорвейнов, — прочитала я вслух. — Отказ от участия в управлении родовыми фондами. Подтверждение отсутствия взаимных долговых обязательств. Обязательство не обращаться в Клятвенный суд с дополнительными имущественными исками.

Я подняла голову.

— Ты предлагаешь мне отказаться от всех прав?

— Взамен ты получишь полную финансовую независимость.

— Поместье остается собственностью династии, — заметила я. — Здесь указано право пожизненного проживания, а не передача имущества.

Кайран раздраженно выдохнул.

— Какая разница? Никто не собирается тебя выселять.

— Знаешь, сегодня утром я тоже была совершенно уверена, что никто не собирается объявлять мне о разводе на праздничном ужине.

— Не начинай снова.

— Я читаю документы, Кайран. Именно для этого ты их мне дал.

Он подошел ближе.

— Лея, я не хочу воевать с тобой.

— Тогда не предлагай мне капитуляцию под видом щедрости.

Его глаза вспыхнули.

— Ты понимаешь, с кем разговариваешь?

Я медленно опустила бумаги.

Вот теперь он заговорил со мной так, как привык говорить с подданными.

— С человеком, который шестнадцать лет был моим мужем.

Кайран стиснул челюсти.

— И который остается императором.

— Я не забывала.

Мы смотрели друг на друга.

Он первым отвел взгляд.
— Ты всегда была слишком упрямой.
— Раньше тебе это нравилось.
— Раньше все было иначе.
Я положила документы на стол.
— Я ничего не подпишу сегодня.
— Через несколько дней начнется подготовка к новой церемонии. Мне необходимо урегулировать вопросы заранее.
— Очень жаль, что мое неудобное существование мешает твоим приготовлениям.
— Лея!
Я вздрогнула от неожиданной резкости его голоса.
Кайран никогда раньше не повышал на меня голос так, как сейчас.
Он тоже это понял.
Несколько мгновений мы молчали.
Потом муж заговорил тише:
— Я не хочу причинять тебе боль. Поверь, мне самому нелегко.
Я посмотрела на приготовленные документы.
На его подпись внизу.
На аккуратно выделенное место для моей.
— Ты мог хотя бы предупредить меня до того, как посадил любовницу на мое место.
Кайран прикрыл глаза.
— Илания не виновата в том, что наш брак закончился.
Я почувствовала, как сердце снова болезненно сжалось.
— Наш брак не закончился сам по себе. Ты завел любовницу, год скрывал ее и сегодня публично объявил, что избавляешься от меня. Не нужно говорить так, будто мы оба случайно оказались жертвами обстоятельств.
Он молчал.
— Ответь мне еще на один вопрос.
— Какой?
— Если бы я не увидела измененную рассадку, если бы продолжала улыбаться гостям и не задавала вопросов, ты все равно сделал бы это сегодня?
Кайран долго смотрел на меня.
— Да.
Всего одно слово.
После этого ответа надеяться на недоразумение было уже невозможно.
Не было никакой возможности, что он передумает.
Никакой нелепой ошибки.
Никакого недоразумения, которое можно исправить разговором.
Кайран все решил.
Без меня.
Я кивнула.
— Тогда нам действительно больше нечего обсуждать сегодня.
Он шагнул ко мне.
— Лея...
— Я хочу уйти.
— Ты можешь остаться во дворце до завершения судебной процедуры. Никто не собирается выставлять тебя ночью.
Как великодушно.
Я чуть не поблагодарила его.

— Разреши уточнить, ваше величество. Мне позволено забрать свои вещи?

Он поморщился.

— Не нужно этого тона.

— А какого ты ожидаешь?

Я обошла его и направилась к двери.

У самого выхода Кайран произнес:

— Надеюсь, ты не станешь превращать развод в публичное противостояние. Наш союз был заключен ради интересов государства. Будет разумно и закончить его достойно.

Я остановилась.

— Ты объявил о нем перед всем двором.

Он ничего не ответил.

— Публичное противостояние начала не я, — сказала я. — Ты.

И вышла.

В коридоре было пусто.

Только на дальнем конце галереи стоял молодой стражник.

Увидев меня, он отвернулся так поспешно, будто я застала его за кражей коронных драгоценностей.

Я шла медленно.

Платье оказалось слишком тяжелым.

Туфли натирали пятки.

Под ребрами росла тупая боль.

Сначала я пыталась считать шаги.

Потом разглядывала узоры на полу.

На третьем повороте поняла, что иду не туда.

Мои покои находились в западном крыле.

Я почему-то направлялась в старую часть дворца, где когда-то жили вдовствующие императрицы.

Остановилась возле окна.

За стеклом расстилался темный сад.

На аллеях горели фонари.

Вдали звучала музыка.

Праздник продолжался.

Конечно, продолжался.

Император объявил о новом союзе.

Какая разница, что прежняя жена еще не успела снять свадебное кольцо.

Я посмотрела на руку.

Золотой ободок был широким, с темной линией драконьей вязи по краю.

В день свадьбы Кайран сам надел его мне на палец.

Я тогда очень волновалась.

Пальцы дрожали, и кольцо никак не проходило через сустав.

Он шепнул:

— Если застрянет, придется жениться на тебе еще раз.

Я рассмеялась прямо во время церемонии.

Потом нас долго обсуждали придворные.

Молодая человеческая невеста, которая позволила себе смеяться перед семьей древними драконьими домами.

Кайран сказал, что это был лучший момент свадьбы.

Теперь кольцо сидело свободнее.

За шестнадцать лет мои руки стали тоньше.

Я сняла его.

Посмотрела на знакомый узор.

И внезапно поняла, что сейчас заплачу.

Не красиво.

Не с одной благородной слезой на щеке.

По-настоящему.

От обиды, усталости, унижения и какой-то совершенно беспомощной любви, которая не исчезала только потому, что человек оказался недостойн ее.

Я прижала ладонь ко рту.

Не помогло.

Слезы потекли по лицу.

Я прислонилась лбом к холодному стеклу.

Шестнадцать лет.

Шестнадцать лет я просыпалась рядом с ним, ждала его возвращений, тревожилась, когда он уходил на войну, училась жить среди драконов и их беспощадных придворных правил.

Я похоронила мать в его столице.

Продала часть семейных земель, чтобы поддержать провинции во время голодной зимы.

Сидела ночами над документами, потому что казначейство не справлялось, а Кайран уверял, что обязательно найдет мне помощников.

И все это время верила, что мы вместе.

Не потому, что я была глупой.

Я замечала, как он отдаляется.

Как все реже спрашивает о моем дне.

Как перестает приходить ночевать в наши покои и даже не предупреждает.

Но объясняла это усталостью.

Государственными делами.

Войнами.

Ответственностью.

В конце концов, я сама уставала так сильно, что иногда засыпала, не успев снять украшения.

Мне казалось, мы переживаем тяжелый период.

Оказалось, тяжелый период был только у меня.

Кайран уже давно нашел себе новую жизнь.

Я вытерла лицо рукавом.

На дорогом бордовом шелке осталось темное пятно.

Нора бы возмутилась, что я не нашла платка.

От этой мысли я снова заплакала.

Потом рассмеялась.

А затем еще несколько минут стояла возле окна, пока не смогла нормально дышать.

Когда я наконец выпрямилась, рядом раздался тихий голос:

— Ваше величество?

Я обернулась.

Передо мной стояла Мира.

Девушка держала сложенный плащ и выглядела так, будто сама едва сдерживает слезы.

— Я искала вас.

— Зачем?

— Госпожа Севир велела передать, что находится в старом кабинете рода Вальден. Она сказала, что вы поймете.

Нора.

Разумеется.

Я взяла плащ.

— Спасибо, Мира.

Девушка осторожно взглянула на мое лицо.

— Может, позвать целительницу?

— От сломанного брака они пока не научились лечить.

Мира опустила глаза.

— Простите.

— Ничего.

Я накинула плащ на плечи.

— И еще, Мира. Если кто-нибудь спросит, где я, скажи, что не знаешь.

— Даже его величеству?

Я посмотрела на нее.

— Особенно ему.

Старый кабинет Вальденов располагался в восточной части дворца.

Когда-то это крыло предоставили моей семье на время строительства новых защитных башен.

Мать прожила здесь почти два года.

Она была человеком редкого упрямства.

Ардис Вальден могла спорить с тремя драконьими инженерами одновременно, не повышая голоса.

Если они не понимали ее расчетов, она начинала объяснять сначала.

Если продолжали спорить, приносила чертежи.

А если утверждали, что женщина не способна разобраться в древней драконьей магии, предлагала самостоятельно восстановить защитное поле в грозу.

После такого обычно наступало взаимопонимание.

Семь Огненных маяков были ее последним большим проектом.

Точнее, восстановление их древней сети.

Когда-то империя почти погибла из-за истощения магических источников. Старые защитные башни одна за другой теряли силу, восточные бури продвигались в глубь провинций, а казна не могла оплатить новые накопители.

Мать нашла способ заменить сердечники на более устойчивые.

Для этого нашему роду пришлось передать почти весь запас семейных огненных сердец — редчайших магических источников, которые Вальдены собирали несколькими поколениями.

Я помнила дни, когда во дворце обсуждали этот проект.

Помнила отца, еще живого тогда, его тревожные разговоры с матерью.

Помнила Кайрана, который почти не спал, опасаясь, что северная граница не переживет очередную бурю.

Ардис тогда говорила:

— Спасти страну можно и за чужой счет, но это дурная привычка для правителя. Пусть сначала научится возвращать долги.

Я была молода и считала ее излишне суровой.

Кайран любил меня.

Разве могла она думать, что мой будущий муж станет обманывать нашу семью?

Теперь мне захотелось услышать мамин голос.

Хотя бы на минуту.

Дверь кабинета была приоткрыта.
Нора стояла возле старого письменного стола.
Увидев меня, она сразу отложила бумаги.
— Лея.
Я попыталась улыбнуться.
Получилось плохо.
Нора подошла и обняла меня.
И вот тут я окончательно перестала держаться.
Я уткнулась лицом ей в плечо и заплакала так, как не позволяла себе плакать много лет.
Она ничего не говорила.
Просто стояла рядом и гладила меня по спине.
Потом усадила в кресло, налила воды и принесла чистый платок.
— Я слышала, — сказала она, когда я смогла успокоиться.
— Весь двор слышал.
— Да.
Я смотрела на стакан.
— Он привел ее на нашу годовщину.
— Знаю.
— Надел на нее подвеску из сокровищницы.
Нора стиснула губы.
— Этого я не знала.
Я коротко рассмеялась.
— И предложил мне поместье. Представляешь? Виноградники, лес, ежегодное содержание. Очень щедрое предложение для женщины, которую он почти год делал дурой.
Нора села напротив.
— Ты подписала?
Я подняла глаза.
— Нет.
— Хорошо.
— Он считает, что я должна быть благодарна.
Подруга долго молчала.
Потом произнесла:
— Знаешь, что меня больше всего злит?
— Выбирай. Поводов достаточно.
— Что он действительно не понимает, сколько ты сделала для этого дворца.
Я покачала головой.
— Не надо.
— Почему?
— Потому что если ты сейчас начнешь перечислять все мои заслуги, я опять расплачусь.
— Тогда не буду.
Она протянула мне еще один платок.
Мы помолчали.
За окнами шумел ветер.
Где-то далеко часы пробили полночь.
Новый день.
Первый день после того, как вся моя прежняя жизнь рухнула.
Я осторожно поставила стакан.
— Нора, скажи мне одну вещь. Я действительно была такой плохой женой?
Она посмотрела на меня с неподдельным возмущением.

— Лея!

— Нет, подожди. Я хочу понять. Возможно, я слишком много работала. Возможно, действительно перестала замечать его. Мы почти не разговаривали в последнее время.

— Тогда у него был рот, чтобы сказать об этом.

Я невольно улыбнулась.

— Очень изящно.

— Зато понятно.

Нора придвинулась ближе.

— Послушай. Я не знаю, что происходило между вами за закрытыми дверями. Возможно, вы оба совершали ошибки. Но ни одна ошибка не заставляла его год обманывать тебя. Он сам сделал этот выбор.

Я опустила взгляд.

— Ты думаешь, я когда-нибудь перестану его любить?

Нора не стала отвечать сразу.

За это я была ей благодарна.

— Думаю, однажды ты проснешься и обнаружишь, что за весь вчерашний день ни разу о нем не подумала, — сказала она. — Не знаю, когда это случится. Но очень надеюсь, что раньше, чем ему придет в голову попросить тебя помочь с очередным бюджетом.

Я засмеялась.

На этот раз почти искренне.

— Мне придется найти другое занятие.

— У тебя их предостаточно.

Нора посмотрела на комнату.

На старые шкафы, чертежные столы, полки с книгами.

— Начни с того, что разберись, какие документы принадлежат тебе, а какие династии. Завтра канцлер непременно пришлет людей составлять описи.

Я тоже огляделась.

Кабинет матери почти не изменился.

После ее смерти я велела ничего здесь не трогать.

Некоторые бумаги давно перенесли в родовое хранилище, но книги, личные записи и несколько запертых сундуков оставались на своих местах.

— Ты права, — сказала я.

Нора поднялась.

— Я распоряжусь, чтобы принесли еду. Ты ничего не ела.

— Я видела перепелку.

— Еще один повод требовать компенсацию.

Я улыбнулась.

Подруга остановилась возле двери.

— Лея, ты уверена, что хочешь остаться здесь одна?

— Да.

— Если что-нибудь понадобится...

— Я знаю, где тебя найти.

Она кивнула и вышла.

Я осталась в тишине.

Несколько минут просто сидела, слушая, как за окнами шумят деревья.

Потом медленно поднялась и подошла к большому шкафу у дальней стены.

Семейный сундук стоял на нижней полке.

Тяжелый, обитый темной кожей, с латунными уголками и старым замком.

Я не открывала его несколько лет.

Внутри лежали письма матери, ее личные чертежи, несколько украшений и документы, которые она велела хранить отдельно от императорских архивов.

Ключ находился там, где я оставила его после похорон.

В маленькой шкатулке под стопкой старых записных книжек.

Я повернула его в замке.

Крышка открылась с тихим скрипом.

Первым сверху лежал мамин шерстяной платок.

Светло-серый, почти невесомый.

Я осторожно взяла его.

Запах ее духов давно выветрился. Я поднесла платок к щеке и на несколько секунд закрыла глаза.

Под платком обнаружилась стопка писем, перевязанная синей лентой.

Я узнала собственный почерк.

Писала их матери в первые месяцы замужества.

Тогда мне казалось, что я попала в сказку.

В одном письме я жаловалась на придворный этикет.

В другом рассказывала, как Кайран впервые показал мне драконью форму.

В третьем сообщала, что мы собираемся на север и я совершенно не боюсь пепельных бурь, хотя мать прекрасно понимала, насколько сильно я их боялась.

Я отложила письма.

Не сегодня.

Если начну читать их сейчас, до утра не выйду из кабинета.

Под ними лежали документы.

Семейные земельные записи.

Свидетельства о праве собственности.

Несколько старых кредитных обязательств.

И толстая папка с гербом Вальденов.

Я взяла ее.

На обложке материнским почерком было написано:

«Договор о предоставлении магических источников для восстановления защитной сети Эстрана. Основной экземпляр рода Вальден».

Я помнила этот договор.

Точнее, помнила сам день его подписания.

Во дворце тогда собрался почти весь императорский совет.

Мать пришла в темно-зеленом платье, которое надевала на самые неприятные переговоры.

Кайран, еще молодой наследник престола, нервничал.

Его отец тяжело болел, казна была почти пуста, а северные рубежи требовали немедленного восстановления.

Семья Вальденов могла предоставить семь огненных сердец.

Но эти источники были слишком дорогими, чтобы просто отдать их государству.

Мать настояла на договоре займа.

Я тогда обиделась.

Мне казалось, что она не доверяет Кайрану.

После переговоров мы даже поссорились.

— Ты собираешься стать его женой, Лея, — сказала мне мать. — А я собираюсь оставить тебе наследство, которое не исчезнет только потому, что ты влюбилась.

— Он никогда не обманет меня!

Мама грустно улыбнулась.
— Очень надеюсь. Но хорошие договоры заключают не потому, что ждут предательства.
Я тогда ее не поняла.
Сейчас села за стол и открыла папку.
Страницы были плотными, покрытыми мелким юридическим письмом.
На некоторых стояли магические оттиски — старые клятвенные печати, которые невозможно было подделать без разрушения самой записи.
Я начала читать.
Первый раздел подробно описывал предоставляемые магические источники.
Семь огненных сердец рода Вальден.
Их происхождение.
Мощность.
Порядок передачи для установки в маяки.
Второй раздел закреплял денежную оценку и обязательства императорского дома.
Долг был огромным.
Я знала это и раньше.
Но считала, что за шестнадцать лет большую его часть погасили.
В конце концов, несколько раз я сама утверждала отсрочки, когда казна испытывала трудности.
Я перелистнула страницу.
Нашла таблицу выплат.
В материнской таблице почти все назначенные выплаты были перечеркнуты.
Рядом стояла пометка:
«Не исполнено. Отложено по соглашению сторон».
Я нахмурилась.
Еще одна страница.
Еще.
И вдруг обнаружила дополнительный договор.
Датирован днем нашей свадьбы.
Я долго смотрела на дату.
Шестнадцать лет назад.
Мама предусмотрела даже это.
Дополнительное соглашение было заключено между родом Вальден и императорским домом Дорвейн.
В нем говорилось, что в связи с предстоящим династическим браком стороны соглашались временно приостановить взыскание оставшейся задолженности.
До момента исполнения обязательств.
Либо до прекращения брачного союза между Леей Вальден и Кайраном Дорвейном.
В зависимости от того, какое событие наступит раньше.
Я прочитала абзац еще раз.
Потом медленно выпрямилась.
Если брак расторгнут по инициативе императорского дома, долг подлежит немедленному взысканию.
Без ожидания следующего года или очередной отсрочки.
Я взяла следующий лист.
Третий раздел.
Обеспечение обязательств.
Пункт первый.
Пункт второй.

Пункт третий.
Я остановилась.
Перечитала.
Затем придвинула к себе лампу.
Нет.
Такого просто не могло быть.
Я знала, что при заключении договора мать потребовала залог.
Помнила, как возмущался старый император.
Помнила, как в тот вечер Кайран жаловался, что Ардис Вальден способна заставить драконов продать собственные крылья.
Но никогда не интересовалась, что именно было передано в обеспечение долга.
Я была молода.
Влюблена.
И совершенно уверена, что все эти юридические предосторожности никогда не понадобятся.
Теперь передо мной лежали документы, подписанные действующим на тот момент императором.
Клятвенные печати подтверждали их подлинность.
Я прочитала строку вслух:
— В обеспечение полного исполнения долговых обязательств перед родом Вальден предоставляется Венец Семи Огней, наследственная коронная реликвия дома Дорвейн...
Я замолчала.
Венец Семи Огней.
Не земельный участок.
Не драгоценности.
Не доход от торговых пошлин.
Корона.
Та самая корона, в которой Кайран появлялся на главных государственных церемониях.
Та самая реликвия, которую надевали на голову каждому законному императору Эстрана.
Золотой венец с семью древними камнями.
Символ тысячелетней власти драконьего рода.
Я перевернула страницу.
В следующем пункте уточнялось, что Венец принадлежит непосредственно династии Дорвейн, а не государственной казне, и потому может выступать имущественным обеспечением.
Залог был зарегистрирован Клятвенным судом.
Право кредитора подтверждалось магической записью.
При нарушении обязательств реликвия могла быть передана в собственность рода Вальден по установленной процедуре.
Я перечитала все это трижды.
Потом нашла отдельный лист с расчетом.
Стоимость Венца была невероятной.
Но и задолженность оказалась намного больше, чем я предполагала.
Императорский дом годами пользовался переданными источниками, откладывал выплаты и продолжал принимать новые обязательства.
Мать не простила долг: она согласилась ждать, пока я оставалась частью династии.
На последней странице лежала небольшая записка.
Написанная ее рукой.

Всего несколько строк.

«Лея, если ты когда-нибудь откроешь эту папку не из любопытства, а по необходимости, сначала обрати внимание на сроки. Правитель может забыть об обещании. Клятвенный суд — нет.

И помни: любовь не обязывает тебя отказываться от того, что принадлежит тебе по праву. Мама».

Я долго смотрела на записку.

Перед глазами снова появились слезы.

Но теперь они были другими.

Я вспомнила Кайрана.

Его снисходительный голос.

Предложенный особняк.

Виноградники.

Ежегодное содержание.

Лист с отказом от всех имущественных претензий.

Он так торопился получить мою подпись.

Неужели знал?

Я задумалась.

Если знал, почему так уверенно объявил о разводе?

Почему не попытался договориться заранее?

И не канцлер ли Острен включил в предложенное соглашение полный отказ от любых долговых требований?

Я отложила записку и вновь взяла соглашение.

Мать не была склонна преувеличивать.

Если она сохранила оригинал, значит, считала его важным.

Но между старым договором и реальным судебным решением лежала огромная работа.

Следовало проверить, не погашен ли долг другими платежами.

Выяснить, действуют ли прежние залоговые положения.

Получить подтверждение Клятвенного суда.

Установить текущую стоимость реликвии и размер обязательств.

Найти все отсрочки, которые подписывала я сама.

И главное — сделать это раньше, чем канцлер убедит Кайрана избавиться от неудобных документов.

Я медленно закрыла папку.

Затем открыла снова и достала чистый лист бумаги.

Положила его рядом.

Взяла перо.

Некоторое время просто смотрела на белую поверхность.

Еще час назад я была женщиной, которую муж собирался отправить в загородное поместье с небольшой выплатой и благодарностью за верную службу.

Теперь передо мной лежал документ, способный изменить условия нашего развода.

Я записала несколько имен.

Савена Моррен.

Председатель Клятвенного суда.

Женщина, которую Кайран недолюбливал за неприятную привычку читать законы буквально.

Нора Севир.

Единственный человек, которому я могла доверить предварительную проверку финансов.

Гердан Острен.
Канцлер, который слишком торопился получить мой отказ от претензий.
Я остановилась.
Потом добавила еще одну строку.
«Личная казна дома Дорвейн. Полная сверка задолженности».
За дверью слышались шаги.
Я быстро закрыла папку.
Но это оказалась всего лишь Мира.
Она принесла поднос с ужином.
Простой овощной суп, хлеб и теплый чай. Рядом с чашкой стояла серебряная шкатулка с компасом: Мира забрала ее с моего письменного стола.
— Госпожа Севир сказала, что вы опять забудете поесть, — объяснила девушка.
Я посмотрела на поднос.
— Нора удивительно хорошо меня знает.
Мира осторожно поставила еду на стол.
— Вам что-нибудь еще нужно?
Я взглянула на старый сундук.
На разложенные документы.
На материнскую записку.
— Да. Утром попроси принести мне обычное дорожное платье. И найди мои старые печати рода Вальден.
Горничная удивилась.
— Вы собираетесь уехать?
Я улыбнулась.
На этот раз улыбка не потребовала усилий.
— Пока нет.
Мира поклонилась и вышла.
Я поела, почти не замечая вкуса.
Потом еще раз перечитала ключевые положения договора.
Усталость никуда не исчезла.
Глаза болели после слез.
Я по-прежнему любила человека, который сегодня публично отверг меня ради другой женщины.
И не знала, сколько времени понадобится, чтобы перестать просыпаться с мыслью о нем.
Но одно я знала точно.
Я больше не собиралась подписывать документы только потому, что Кайран считал это удобным.
Под утро я сложила бумаги в папку, погасила лампу и поднялась.
За окном начинало светать.
Императорский дворец встречал новый день.
Где-то в западном крыле наверняка готовили покои для Илании Роэн.
Возможно, подбирали ей новые платья.
Обсуждали предстоящую коронацию.
Выбирали украшения из сокровищницы.
Я остановилась возле двери и посмотрела на семейный сундук.
Остальные семейные бумаги я вернула в сундук, а договор, подписанный шестнадцать лет назад, оставила в папке при себе.
Кайран предложил мне дом, виноградники и скромное содержание.
Он считал, что щедро расплачивается за годы нашего брака.

Но моя мать предусмотрела совсем другую возможность.

И если документы подтвердят то, что я только что прочитала, после развода Кайрану придется объяснить, почему его корона должна остаться у него, когда долг перед моей семьей не погашен.

Я взяла со стола серебряную шкатулку со старым компасом.

Открыла ее.

Стрелка дрогнула и уверенно указала на север.

Перед свадьбой Кайран подарил мне этот компас, чтобы я никогда не теряла дорогу.

Я закрыла крышку.

Кажется, его подарок наконец пригодился.

Глава 2. Содержание для ненужной жены

На следующее утро после годовщины свадьбы у меня потребовали ключ от спальни. Не от сокровищницы, не от архива и даже не от кабинета, где я шестнадцать лет разбирала императорские счета.

— Согласно новому распоряжению дворцовой службы, восточные и западные супружеские покои переходят в распоряжение его величества, — сообщила госпожа Тельма, старшая распорядительница дворца. — До окончания судебной процедуры вам предоставляют гостевые комнаты в южном крыле.

Она произнесла это без выражения. Только пальцы, сжимавшие папку, заметно побелели.

Я стояла посреди спальни в простом домашнем платье и смотрела на женщину, которая еще вчера спрашивала, какие цветы поставить возле нашей супружеской кровати.

— Когда требуется освободить покои?

— Желательно до вечернего приема.

— Сегодня?

— Да, ваше величество.

Я оглянулась.

На спинке кресла висел мой шелковый халат. Возле зеркала стояли флаконы с духами. На туалетном столике лежали щетки для волос, украшения и маленькая фарфоровая фигурка кошки, которую я привезла из Северной провинции.

Шестнадцать лет жизни.

И один день на сборы.

— А если я не успею? — спросила я.

Госпожа Тельма опустила взгляд.

— Мне приказано организовать перенос ваших вещей.

— Кем приказано?

— Канцелярией.

Разумеется.

За последние сутки выяснилось, что канцелярия обладает удивительной способностью принимать решения за моего мужа.

Может быть, именно ее следовало поздравлять с предстоящей свадьбой.

— Передайте, что мои личные вещи не имеют права переносить без моего присутствия. И пришлите управляющего имуществом.

— Вам требуется составить опись?

— Да. Подробную.

Госпожа Тельма явно обрадовалась возможности обсуждать понятные хозяйственные вопросы.

— Конечно, ваше величество. Мы подготовим необходимые документы.

Она уже собиралась уйти, когда я остановила ее.

— И еще. Кто распорядился передать княжне Роэн рубиновую подвеску из коронной сокровищницы?

Женщина замерла.

— Мне об этом неизвестно.

— Полагаю, канцелярии известно. Пусть подготовят письменное распоряжение с подписью ответственного лица.

— Зачем?

Я посмотрела на нее.

— Потому что подвеска включена в опись династических украшений. Если ее передали без регистрации, у хранителя возникнут неприятности. Не хотелось бы, чтобы из-за чужой поспешности наказали невинного служащего.

Госпожа Тельма медленно кивнула.

— Я передам.

Когда дверь закрылась, я подошла к окну.

Сад выглядел таким же, как вчера.

Те же дорожки, фонтаны, аккуратно подстриженные деревья. Только украшения после праздника уже снимали, а слуги складывали ленты в большие корзины.

Со мной поступали так же, как с ненужным праздничным украшением: убирали, едва закончился праздник.

Я коснулась пустого пальца.

Обручальное кольцо лежало в шкатулке на туалетном столике.

Ночью я так и не сумела решить, что с ним делать.

Вернуть Кайрану?

Оставить?

Продать вместе с остальными вещами, если придется восстанавливать собственную жизнь с нуля?

Последняя мысль показалась мне настолько нелепой, что я чуть не рассмеялась.

У меня имелись собственные деньги.

Родовое имущество.

Дом Вальденов в столице.

Земли, оставшиеся после смерти родителей.

И, как выяснилось ночью, весьма интересный документ, подписанный императорской династией.

Бездомной я не была. Но еще вчера чувствовала себя здесь хозяйкой, а сегодня мне предложили убраться, не мешая подготовке к чужому счастью.

В дверь постучали.

— Войдите.

На пороге появилась Мира с подносом.

— Доброе утро, ваше величество.

— Доброе, Мира. Хотя последнее утверждение спорное.

Девушка поставила завтрак на стол.

Каша, свежие ягоды, чай.

Все как обычно.

Я вдруг обнаружила, что не хочу ничего из этого.

— Тебя тоже переводят в южное крыло? — спросила я.

Мира замялась.

— Мне предложили остаться при новой хозяйке.

— При княжне Розн?

Она кивнула.

Я посмотрела на девушку.

Мире было двадцать четыре. За почти пять лет службы она выучила мои привычки и умудрялась находить вещи, которые я сама только что куда-то положила.

Ее младший брат учился на лекаря. Значительную часть жалованья она отправляла домой.

— Это хорошая должность, — сказала я.

Девушка подняла голову.

— Я не хочу служить княжне.

— Почему?
— Потому что она...
Мира прикусила губу.
— Потому что вчера произошло то, что произошло.
Я вздохнула.
— Не нужно принимать решения из жалости ко мне.
— Это не жалость.
— Тогда из возмущения.
— И не только.
Она выпрямилась.
— Я хотела спросить, разрешите ли вы мне уйти вместе с вами.
Я внимательно посмотрела на нее.
— Мира, ты понимаешь, что в моем доме жалованье может быть меньше дворцового?
— Понимаю.
— И что у тебя не будет пяти помощниц, которые каждое утро приносят мне шесть платьев, чтобы я выбрала одно?
— Это скорее облегчение, ваше величество.
Я улыбнулась.
— Сначала узнай, на каких условиях тебя готовы отпустить. Я не собираюсь превращать твое увольнение в наказание. И не хочу, чтобы ты потеряла положенные выплаты.
Мира просияла.
— Значит, я могу остаться с вами?
— Если после всех расчетов не передумаешь.
Она поклонилась и уже возле двери тихо добавила:
— Оно не исчезнет.
Я проводила ее взглядом.
Странно.
Вчера я потеряла мужа.
Сегодня начала узнавать, кто из окружающих готов остаться рядом со мной и без дворцового жалованья.

К полудню в спальне появились три больших сундука.
Управляющий имуществом принес опись, составленную так тщательно, будто меня подозревали в намерении унести весь дворец под платьем.
— Серебряный туалетный набор, принадлежность коронного хозяйства, — прочитал он.
— Оставьте.
— Два подсвечника с драконьими гербами.
— Оставьте.
— Зеркало в позолоченной раме.
— Оставьте.
— Шкатулка с...
— Если будете продолжать в таком темпе, к вечеру мы закончим только с туалетным столиком.
Мужчина нервно прокашлялся.
— Простите, ваше величество.
Я взяла у него список.
Большинство вещей действительно принадлежало дворцу.
Мебель, гобелены, ковры, посуда.
Но среди них обнаружили предметы, которые я привезла из дома родителей.

Материнская шкатулка.
Мой письменный прибор.
Небольшой портрет отца.
Даже плед, связанный бабушкой.
— Почему все это включено в опись дворцового имущества?
Управляющий поправил очки.
— Предметы находились в императорских покоях.
— И что?
— Следовательно...
— Господин Лорен, если я оставлю свои туфли в императорской карете, они тоже станут собственностью государства?
Он покраснел.
— Нет, ваше величество.
— Прекрасно. Значит, мы понимаем друг друга. Принесите первоначальные описи имущества, составленные после свадьбы. Мои личные вещи должны быть отмечены отдельно.
Он поспешно согласился.
Я не собиралась спорить из-за каждой свечи.
Но после вчерашнего разговора с Кайраном мне хотелось видеть все документы.
Особенно те, под которыми предлагали поставить подпись.
К двум часам мы разобрали половину комнаты.
К четырем я обнаружила, что свадебный портрет, висевший над камином, уже сняли.
На стене остался светлый прямоугольник.
— Где картина? — спросила я.
Управляющий посмотрел на пустое место.
— Передана на хранение.
— Куда?
— В дворцовый архив.
— По чьему приказу?
— Его величества.
Я медленно опустилась в кресло.
На портрете Кайран держал меня за руку.
Я смотрела на него и смеялась.
Художник жаловался, что совершенно невозможно изобразить императрицу, которая не желает стоять спокойно.
Кайран тогда предложил привязать меня к колонне.
Я пригрозила выйти замуж за художника.
Мы оба смеялись, пока мастер не попросил нас хотя бы пять минут вести себя прилично.
Теперь картину убрали.
Без предупреждения.
Будто меня уже не существовало.
Я посмотрела на пустую стену и впервые за день ощутила настоящую злость.
— Господин Лорен.
— Да, ваше величество?
— Добавьте в опись, что портрет сняли до моего выезда.
— Но...
— Не спорьте. Мне нужна точная дата.
Он поклонился.
Я встала.
— Продолжайте без меня. Мира проверит личные вещи. А я должна съездить домой.

— Домой? — переспросил управляющий.

— Да, господин Лорен. Удивительно, но у меня, помимо супруга, имеется и родовой дом.

Дом Вальденов находился на улице Старых Мастеров, в получасе езды от дворца.

Трехэтажное каменное здание с двумя боковыми флигелями, внутренним садом и старой оранжереей когда-то принадлежало деду.

После смерти родителей я редко приезжала сюда.

Сначала мешали государственные дела.

Потом Кайран говорил, что императрице неприлично жить отдельно от дворца.

Позже я сама привыкла считать родной дом чем-то вроде красивого семейного воспоминания.

Теперь он оказался единственным местом в столице, куда я могла приехать без предварительного разрешения.

У ворот меня встретил управляющий, господин Белт.

Ему было за шестьдесят, и за последние двадцать лет у него появилась лишь одна новая привычка: каждую зиму обещать уйти на покой и каждую весну передумывать.

Увидев меня, он распахнул ворота собственноручно.

— Госпожа Лея!

Я вышла из кареты.

— Здравствуйте, Белт.

Он поклонился.

Потом посмотрел на дворцовый экипаж, на двух сопровождавших меня стражников и нахмурился.

— Что-то случилось?

— Вы не слышали новостей?

— До нас доходят только важные. Вчера, например, сообщили, что у императора годовщина свадьбы.

Я вздохнула.

— Новости несколько устарели.

Белт выслушал мой короткий рассказ молча.

Только когда я закончила, медленно снял очки.

— Вы хотите сказать, что его величество объявил о разводе перед гостями?

— Именно.

— И решил жениться на другой?

— Да.

Управляющий помолчал.

— Тогда неудивительно, что госпожа Ардис никогда ему не доверяла.

Я подняла голову.

— Мама говорила с вами об этом?

Белт посмотрел на меня так, будто я задала очевидный вопрос.

— Конечно.

— И что она говорила?

— Что красивые драконьи глаза не заменяют бухгалтерию.

Я невольно рассмеялась.

Это было настолько похоже на мать, что на мгновение мне показалось, будто она сейчас выйдет из дома.

В зеленом платье, с чертежами под мышкой, и спросит, почему я стою на улице вместо того, чтобы заняться делом.

— Дом готов к моему возвращению? — спросила я.

Белт выпрямился.

— Всегда был готов, госпожа.

Я вдруг не смогла ответить.

Только кивнула.

Мы вошли в холл.

Здесь пахло воском, сухими цветами и старым деревом.

На стене висели портреты Вальденов.

В углу стояли большие часы, которые отставали ровно на семь минут.

Мать постоянно собиралась их починить.

Отец утверждал, что семь минут не имеют значения, если человек умеет рассчитывать время.

Они так и не договорились.

Я прошла в гостиную.

Окна выходили в сад.

На диване лежал старый вышитый плед.

В камине горел огонь.

— Вы давно растопили? — спросила я.

Белт смутился.

— Сегодня утром.

— Почему?

— Госпожа Севир прислала записку. Сказала, что вам может понадобиться кабинет и несколько комнат.

Нора.

Нора заранее позаботилась о том, что мне понадобится. Я мысленно поблагодарила ее.

— Тогда попросите подготовить спальню на втором этаже. И помещение для документов.

Белт кивнул.

— А старый хозяйский кабинет?

Я задумалась.

Кабинет отца находился на первом этаже.

В нем стоял большой стол, а окна выходили во внутренний двор.

— Да. Его тоже.

— Сколько людей вы собираетесь привести?

— Пока троих или четверых.

— Хорошо.

Он направился к двери, но остановился.

— Госпожа Лея?

— Да?

— Ваши родители гордились бы тем, что вы вернулись сюда с прямой спиной.

Я посмотрела на него.

— Белт, я всю ночь плакала.

— Это не мешает держать спину прямо, госпожа.

Он вышел.

Я осталась одна.

Под ногами чуть поскрипывали старые доски. Здесь я могла остаться, не спрашивая у Кайрана разрешения.

Нора приехала ближе к вечеру.

Она вошла в кабинет с двумя папками, тяжелой сумкой и выражением лица человека, которому уже успели испортить день.

— Если кто-нибудь еще раз скажет мне, что финансовые документы потерялись сами собой, я лично объясню ему разницу между потерей и уничтожением.

Я подняла голову от стола.

— Добрый вечер и тебе.

— Где чай?

— На столике.

— Отлично.

Нора сняла плащ, налила себе полную чашку и села.

— Я нашла три ведомости, которые ты просила.

Я отложила материнский договор.

— Показывай.

Она раскрыла первую папку.

Перед нами лежала сводка за последние шестнадцать лет по обязательствам императорской казны перед родом Вальден.

В первой строке стояла сумма первоначального займа.

Дальше следовали начисления, отсрочки и обещанные выплаты.

Я провела пальцем по таблице.

— Здесь указано, что долг почти погашен.

— Именно.

— Но по оригинальным соглашениям выплаты должны подтверждаться отдельными клятвенными записями.

— И я не нашла ни одной записи на эти суммы.

Я подняла глаза.

— Совсем?

— Есть три небольших погашения в первые годы брака. Они отражены правильно. Потом начинаются странности.

Нора придвинула второй документ.

— Посмотри на эту строку.

Я прочитала.

«Погашение долга за счет внутреннего зачета расходов по обслуживанию защитных маяков».

— Что это значит?

— Если коротко, казначейство решило, что содержание башен можно считать возвратом займа твоей семье.

Я нахмурилась.

— Но это государственные расходы. Сердца были переданы в установленную сеть, и империя обязалась оплачивать их содержание отдельно.

— Совершенно верно.

— Получается, они платили сами себе и записывали это как возврат денег Вальденам?

Нора сделала глоток чая.

— Очень удобная система. Особенно если кредитор не читает документы.

Я смотрела на таблицу.

Некоторое время мне хотелось просто отодвинуть бумаги.

Слишком многое уже разрушилось.

Слишком многое требовало решения.

Мне не хотелось обнаружить, что вдобавок ко всему муж годами пользовался имуществом моей семьи, не возвращая положенные средства.

Но подписи и цифры никуда не исчезали.

— Кто утверждал эти зачеты? — спросила я.

Нора указала на последнюю колонку.

Гердан Острен.

Канцлер.

Тот самый человек, который вчера наблюдал за публичным объявлением развода с почти довольным выражением лица.

— Сколько лет он занимается этими расчетами?

— С того времени, когда возглавил государственную канцелярию. Примерно одиннадцать лет.

Я перевернула страницу.

— А Кайран?

Нора помедлила.

— Его подпись стоит на ежегодных сводных отчетах.

Я положила лист на стол и несколько секунд не могла отвести взгляд от подписи.

— Значит, он видел эти цифры.

— Видел итоговые суммы. Читал ли приложения, сказать не могу.

— Я читала.

Подруга внимательно посмотрела на меня.

— Лея?

Я вспомнила десятки вечеров.

Кайран приносил очередной финансовый отчет, жаловался на скучные заседания, просил помочь разобраться с цифрами.

Я проверяла расходы на провинции.

На армию.

На ремонт дорог.

На продовольственные резервы.

Но раздел личных династических обязательств обычно не трогала.

Считала, что это вопрос между родом Вальден и казначейством.

К тому же несколько отсрочек действительно подписывала сама.

— Я должна была заметить, — произнесла я.

— Ты не обязана проверять каждую строку государственного бюджета.

— Но это долг моей семьи.

— Да. И ты доверяла людям, которые обязаны были вести честный учет.

Я медленно перевернула лист.

Внизу стояла отметка:

«Расчеты подтверждены. Дополнительных требований не имеется».

Подпись канцлера.

Круглая печать казначейства.

И ни одной моей подписи.

— Нора, если выяснится, что эти зачеты незаконны, долг по-прежнему существует?

— Да. По крайней мере, та часть, которую не погасили действительными выплатами.

— А отсрочки?

— Надо проверить каждую. Особенно последнюю.

Я достала отдельную папку.

В ней лежали документы матери и дополнения, подписанные мной после ее смерти.

Нора внимательно изучала страницы.

В кабинете стало тихо.

Только часы у стены негромко отмеряли минуты.

Наконец она остановилась на последнем соглашении.

— Вот это интересно.

Я наклонилась.

— Что?

— Здесь указано, что отсрочка действует до исполнения обязательств или прекращения твоего брака с Кайраном. Но нет условия о продлении по решению императорской канцелярии.

— Значит?

— Значит, канцлер не вправе просто написать новый приказ и отложить выплату еще на десять лет.

Я прислонилась к спинке кресла.

— И что теперь?

Нора посмотрела на меня.

— Теперь нужно узнать, существует ли зарегистрированная копия залога в Клятвенном суде.

— Она должна существовать.

— Должна. Но после вчерашнего я предпочитаю не полагаться на то, что кто-то кому-то должен.

— Завтра съездим в судебный архив.

— Уже договорилась о доступе к открытой части реестра.

Я покачала головой.

— Когда ты успела?

— Пока ты спорила с дворцовым управляющим насчет собственной мебели.

Она улыбнулась.

Я тоже.

Ненадолго.

Потом Нора достала третий документ.

— И еще одна неприятность.

— Сегодня они особенно многочисленны.

— Помнишь расходы на северные накопители, которые мы обсуждали вчера?

Я придвинула ее третий документ.

— За два последних года перечисления увеличились почти вдвое. Но поставки магического металла при этом не выросли.

— Возможно, закупали готовые детали.

— Возможно. Только часть платежей проходит не через инженерную службу, а через особый резерв канцлера.

Я внимательно просмотрела отчет.

Большие суммы.

Непонятные получатели.

Закрытые распоряжения.

Все оформлено достаточно аккуратно, чтобы обычная проверка не вызвала вопросов.

— Неужели расходы на маяки теперь тоже контролирует Острен?

— По документам — только специальные проекты.

— Какие именно?

— Этого никто не говорит.

Я задумалась.

Защитные маяки требовали постоянного обслуживания. Но магические сердца, установленные по проекту матери, могли работать десятилетиями при правильной эксплуатации.

Непонятные расходы сами по себе еще не означали преступление.

Могли существовать технические причины.

Аварийные работы.

Секретные оборонительные меры.

Однако я слишком хорошо знала канцлера.

Он не любил просто прятать бумаги.

Если что-то скрывал, значит, считал это выгодным.

— Запросим инженерные отчеты отдельно, — решила я.

Нора кивнула.

— Сначала разберемся с договором. Иначе завтра у тебя не останется ни времени, ни средств, чтобы заниматься всем остальным.

Я посмотрела на бумаги.

— Ты думаешь, они станут мешать?

— Я думаю, что Гердан Острен уже знает, что у тебя остался оригинал.

Я подняла голову.

— Откуда?

Нора помедлила.

— Сегодня утром он дважды интересовался, какие документы ты забрала из старого дворцового кабинета Вальденов.

Я почувствовала холод.

Значит, канцлер помнил.

И, возможно, знал гораздо больше меня.

На следующее утро в доме появился императорский посыльный.

Он привез письмо от канцлера.

Текст занимал всего половину страницы.

Гердан Острен выражал глубокое сожаление в связи с изменившимися семейными обстоятельствами и предлагал провести личную встречу для мирного урегулирования имущественных вопросов.

Я перечитала письмо дважды.

Потом спросила посыльного:

— Канцлер ожидает письменного ответа?

— Его превосходительство сказал, что предпочел бы прибыть лично сегодня после полудня.

— Даже если я откажусь?

Молодой человек растерялся.

— Мне не сообщили, что делать в таком случае.

— Тогда передайте, что я приму его в три часа.

Посыльный облегченно выдохнул.

— Благодарю, ваше величество.

Я остановила его возле двери.

— И еще. Передайте в канцелярию: после вступления судебного решения в силу ко мне следует обращаться «госпожа Вальден». Пока этого не произошло, мой титул остается прежним.

Он поклонился.

Когда посыльный ушел, Мира, уже переехавшая ко мне вместе с двумя небольшими чемоданами, спросила:

— Вы действительно собираетесь говорить с канцлером?

— Да.

— Но госпожа Севир сказала, что ему нельзя доверять.

— Нора сказала бы это и о собственной тени, если бы та начала составлять финансовые отчеты.

Мира не улыбнулась.

— Я серьезно, госпожа.

Я посмотрела на нее.

— И я тоже. Именно поэтому встреча пройдет здесь, в моем доме, при свидетеле. Все предложения канцлера он изложит письменно.

— А если он откажется?

— Тогда мы прекрасно проведем время за чаем. Хотя не уверена, что господин Острен способен получить от чая удовольствие.

В три часа канцлер прибыл без опоздания.

На нем был темно-зеленый камзол с золотой вышивкой. Седые волосы аккуратно зачесаны назад, на пальце сиял массивный перстень с гербом императорской канцелярии.

Гердану Острену было пятьдесят семь лет.

Он прослужил при двух императорах и привык считать себя человеком, без которого государство немедленно развалится.

Иногда я подозревала, что он не возражал бы проверить это предположение на практике.

— Ваше величество, — произнес он, входя в гостиную.

Я указала на кресло.

— Господин канцлер.

Он сел.

Рядом с письменным столом расположилась Нора.

Острен заметил ее не сразу.

Когда заметил, на мгновение прищурился.

— Госпожа Севир. Не ожидал вас здесь увидеть.

— А я, признаться, надеялась вас сегодня не видеть, — ответила Нора.

Я едва удержалась от улыбки.

Канцлер посмотрел на меня.

— Полагаю, наш разговор касается личных вопросов императорской семьи.

— И личных вопросов рода Вальден, — согласилась я. — Поэтому госпожа Севир присутствует как мой доверенный помощник.

Острен сложил руки.

— Разумеется.

Он достал из папки несколько листов.

— Прежде всего хочу заверить вас, что его величество не намерен причинять вам неудобства.

Я посмотрела на документы.

— Уже причиняет.

Канцлер улыбнулся.

— Развод после стольких лет брака всегда сопровождается болезненными эмоциями.

— Полагаю, именно для их облегчения вы принесли бумаги?

— Вы всегда отличались практическим умом, ваше величество.

Он протянул мне лист.

На этот раз предложение выглядело гораздо щедрее предыдущего.

Вместо пожизненного права проживания мне предлагали передать поместье в собственность.

Ежегодное содержание увеличивалось.

Добавлялись права на доход от двух торговых складов.

Я просмотрела цифры.

— Неожиданно.

— Его величество желает завершить отношения достойно.

— Вчера условия были другими.

— После обсуждения с казначейством мы нашли возможность проявить дополнительную щедрость.

Я отложила лист.

— Что требуется взамен?

Канцлер не изменился в лице.

— Обычные условия окончательного урегулирования.

— Какие именно?

Он придвинул второй документ.

Я начала читать.

Несколько абзацев касались отказа от имущественных требований.

Затем шел пункт о прекращении взаимных обязательств.

А ниже — отдельное приложение.

«Подтверждение полного исполнения долговых соглашений между домами Вальден и Дорвейн».

Я медленно подняла глаза.

— Вот оно что.

Острен улыбнулся.

— Простая юридическая формальность.

— Правда?

— Договоры заключались много лет назад. Большинство обязательств уже исполнено или утратило актуальность.

— Тогда зачем вам мое подтверждение?

Он помолчал.

— Чтобы избежать возможных разночтений.

Я положила лист на стол.

— Давайте говорить прямо, канцлер. Вы хотите, чтобы я признала погашенным долг, который казначейство не погасило.

Острен слегка наклонил голову.

— Я бы сформулировал иначе.

— Разумеется. Вы всегда очень красиво формулируете неприятные вещи.

— Ваше величество, долги государства не следует рассматривать как обычные частные обязательства. Семья Вальден передала магические источники на благо всей империи.

— По договору займа.

— На благо всей империи, — повторил канцлер. — Вы же не станете требовать возврата средств, если это может повредить безопасности провинций?

Я посмотрела на него.

— Я шестнадцать лет соглашалась на отсрочки именно ради безопасности провинций.

— И проявляли исключительное благородство.

— Но благородство не означает, что долг исчезает.

Он вздохнул.

— Госпожа Лея, мы оба прекрасно понимаем, что формально у вас имеются определенные права.

Я почувствовала, как Нора напряглась.

Канцлер продолжил:

— Однако не всякое законное требование разумно предъявлять в неподходящий момент.

— А когда наступит подходящий?

— Когда империя сможет позволить себе подобные расходы.

Я вспомнила шесть новых карет.

Золотую вышивку на его камзоле.

Рубиновую подвеску Илании.

И огромные суммы, уходившие из казны по закрытым распоряжениям.

— Возможно, стоит начать с сокращения расходов на дворцовые праздники.

Он не улыбнулся.

— Я пришел не спорить о хозяйственных мелочах.

— Тогда не называйте долг моей семьи мелочью.

Канцлер медленно сложил документы.

— Позвольте объяснить вам положение дел без лишних формальностей.

Я откинулась на спинку кресла.

— Слушаю.

— Его величество принял окончательное решение. Новый династический союз принесет Эстрану существенную выгоду. Вы сможете жить спокойно, не испытывая финансовых затруднений, если откажетесь от бесперспективного противостояния.

— Вы считаете мое требование бесперспективным?

— Я считаю, что судебный спор с императорским домом может оказаться крайне неприятным для всех сторон.

Я посмотрела на Нору.

Она сидела неподвижно.

Канцлер заметил мой взгляд и добавил:

— Поднимутся старые финансовые документы, будут пересмотрены отчеты, которые вы сами утверждали. Возможны вопросы к законности некоторых расходов. Поверьте, вам не понравится, если ваше имя появится рядом с подобными обвинениями.

Я медленно выпрямилась.

— Вы мне угрожаете?

Острен развел руками.

— Предупреждаю о последствиях.

— Каких именно?

— Общественное мнение очень переменчиво. Вчера вас считали образцом достойной императрицы. Завтра могут решить, что вы намерены обременить казну требованиями ради личной обиды.

Я почувствовала, как в груди поднимается злость.

Не только из-за его слов.

Из-за уверенности, с которой он их произносил.

Ему действительно казалось, что я испугаюсь.

Что соглашусь взять предложенные деньги и исчезнуть, лишь бы никто не усомнился в моей репутации.

Я открыла папку с копией материнского договора.

Положила перед собой.

— Господин канцлер, вы ведь знаете, что именно передано в обеспечение займа?

Он посмотрел на папку.

На этот раз он перестал улыбаться.

— Разумеется.

— Тогда объясните, почему считаете требования рода Вальден бесперспективными.

— Вопрос залога сложнее, чем кажется.

— Насколько?

— Некоторые реликвии обладают особым правовым статусом.

— Вы говорите о Венце Семи Огней?

Даже Нора перестала перелистывать бумаги.

Острен долго смотрел на меня.

Потом медленно произнес:

— Не советую вам поднимать этот вопрос.

Нора шевельнулась.

Я положила ладони на стол.

— Почему?

— Потому что коронные символы относятся к сфере государственных интересов.

— В договоре Венец обозначен как наследственное имущество династии.

— За прошедшие годы его значение изменилось.

— А право собственности?

Канцлер не ответил.

Я продолжила:

— Если Венец теперь принадлежит государству, должен существовать документ о передаче. Если его нет, залог сохраняет силу. Разве не так?

Он смотрел на меня уже без прежней любезности.

— Вы слишком буквально понимаете старые соглашения.

— Этому меня научила мать.

— Госпожа Ардис была выдающимся инженером, но не всегда умела отделять деловые интересы от личных.

Я сжала край папки.

Острен продолжил мягче:

— Я предлагаю вам разумный выход. Подпишите соглашение о прекращении всех взаимных долговых требований, передайте на хранение оригиналы старых договоров, а мы обеспечим вам независимую жизнь.

— На хранение?

— В государственный архив.

— Чтобы ими больше никто не воспользовался?

Он пожал плечами.

— Чтобы избежать неправильного толкования.

Я медленно закрыла папку.

— Нет.

Канцлер замер.

— Простите?

— Я не подпишу.

— Ваше величество...

— И не передам семейные документы в архив, который контролирует ваша канцелярия.

Его лицо стало жестче.

— Вы поступаете неразумно.

— Возможно.

— Его величество будет крайне разочарован.

Я посмотрела ему прямо в глаза.

— Передайте Кайрану, что вчера он уже приложил достаточно усилий, чтобы я перестала строить свою жизнь вокруг его разочарований.

Нора отвернулась к окну.

Кажется, прятала улыбку.

Острен медленно поднялся.

— В таком случае нам придется вести разговор в судебном порядке.

— Именно на это я и рассчитываю.

Он остановился возле двери.

— Последний совет, госпожа Лея. Не путайте наличие старого документа с возможностью заставить императора исполнить его.

Я встала.

— А вы не путайте императора с человеком, которому закон разрешает не платить долги. На мгновение мне показалось, что он ответит.

Но канцлер только поклонился.

И вышел.

Когда за ним закрылась дверь, Нора шумно выдохнула.

— Я думала, ты бросишь в него чернильницей.

— Мне очень хотелось.

— Почему не бросила?

— Это хорошая чернильница. Отец привез ее из Северной провинции.

Нора рассмеялась.

Я тоже.

Но потом посмотрела на бумаги и почувствовала, как веселость исчезает.

— Он знает, Нора.

— Да.

— Знает про корону. И про договор.

— Судя по всему.

Я села.

— Значит, даже с такими документами добиться справедливого решения будет непросто.

Нора закрыла папку.

— Никто и не обещал, что будет просто.

Она посмотрела на меня внимательно.

— Главное, что теперь мы знаем, чего они боятся.

На третий день я отправилась в судебный архив.

Не в парадной карете.

Не с придворной свитой.

В обычном закрытом экипаже дома Вальденов.

Нора сидела напротив, держа на коленях сумку с документами.

По дороге мы проехали через Рыночную площадь.

Торговцы выкрикивали цены, дети бегали между прилавками, пожилая женщина пыталась убедить мясника, что он продает вчерашнюю птицу под видом свежей.

Обычная жизнь.

Никто не знал, что вчера я спорила с канцлером о залоге императорской короны.

Никого это особенно не волновало.

И почему-то меня это успокоило.

У пекарни возле моста выстроилась небольшая очередь.

Я заметила женщину с корзиной, которая тщательно пересчитывала монеты.

Рядом стоял мальчик лет семи.

Он смотрел на хлеб так, будто перед ним лежало сокровище.

— Остановите экипаж, — попросила я.

Нора подняла голову.

— Что случилось?

— Ничего.

Я вышла.

Купила две свежие буханки и небольшой сверток с сыром. Одну буханку отдала мальчику.

Он удивленно посмотрел на меня.

— Это мне?

— Да.

Женщина рядом насторожилась.

— Мы не просим милостыню, госпожа.

Я почувствовала неловкость.

— Простите. Не хотела вас обидеть.

Она посмотрела на хлеб в руках сына.

— Тогда зачем?

Я немного растерялась.

Раньше такие вопросы решались проще.

Императрица распорядилась выдать помощь.

Чиновники составляли списки.

Люди получали продовольствие из казенных запасов.

Но сейчас передо мной стояла женщина, которая не просила помощи и не желала становиться предметом чужой благотворительности.

— Потому что я купила больше, чем могу съесть, — сказала я.

Мальчик осторожно понюхал хлеб.

Его мать помолчала.

Потом взяла сверток с сыром.

— Спасибо.

Я вернулась в экипаж.

Нора наблюдала за мной с непонятым выражением лица.

— Что? — спросила я.

— Ничего.

— Тогда почему смотришь?

— Просто впервые за много лет ты самостоятельно купила хлеб.

Я посмотрела на буханку, оставшуюся у меня.

— И что?

— И обнаружила, что мир не рухнул.

Я улыбнулась.

— В следующий раз попробую купить рыбу.

— Не советую. Рыбные торговцы куда опаснее канцлера.

Мы рассмеялись.

Но на подъезде к судебному кварталу настроение снова стало серьезным.

Здание Клятвенного суда занимало целую сторону старой площади.

Темный камень, высокие окна, массивные двери.

Над входом находился герб с семью маленькими звездами.

В Эстрани суд существовал дольше нынешней императорской династии.

Его полномочия ограничивались древними законами, а решения подтверждались магическими клятвенными записями.

Кайран часто жаловался на судей.

Говорил, что они слишком привязаны к буквам старых договоров.

Раньше я считала это естественным раздражением правителя.

Сегодня впервые надеялась, что судьи действительно окажутся такими упрямыми.

В архиве нас встретил пожилой хранитель по имени господин Кервин.

Он поклонился.

— Ваше императорское величество.

— Добрый день. Мне необходимо проверить запись залогового договора, заключенного между домами Вальден и Дорвейн шестнадцать лет назад.

Кервин внимательно посмотрел на папку в моих руках.

— Номер регистрации?

Я назвала его.

Он записал цифры.

Потом поднял голову.

— Эта запись относится к особому хранению.

Нора напряглась.

— Значит, доступ закрыт?

— Нет, госпожа Севир. Но для выдачи заверенной копии требуется подтверждение заинтересованности.

Я достала родовую печать.

— Я единственная наследница имущества дома Вальден и одна из сторон дополнительного соглашения.

Кервин изучил печать.

Затем посмотрел на мое лицо.

— Разумеется.

Он исчез за дверью.

Вернулся почти через полчаса.

В руках держал плоскую деревянную коробку.

Внутри лежал толстый реестр.

Кервин открыл его на странице, отмеченной красной лентой.

— Прошу.

Я наклонилась.

Регистрационная запись существовала.

Подлинная.

Заверенная клятвенной печатью.

В ней были перечислены семь огненных сердец, сумма долга и имущество, предоставленное в обеспечение обязательства.

Венец Семи Огней.

Наследственная реликвия дома Дорвейн.

Я почувствовала облегчение.

Еще вчера опасалась, что мать могла хранить устаревший экземпляр, а за прошедшие годы договор изменили.

Но судебная запись подтверждала основные условия.

— Были ли зарегистрированы изменения права собственности на заложенное имущество? — спросила я.

Кервин просмотрел соседние страницы.

— В открытой части реестра таких изменений нет.

— А в закрытой?

Он поднял глаза.

— Если существуют дополнительные записи, суд обязан учитывать их при рассмотрении спора.

— То есть я не могу получить окончательный ответ сейчас?

— Только после официального запроса в рамках дела.

Это было разумно.

Нельзя требовать от архивариуса выдать все государственные тайны только потому, что вчера меня унизили перед придворными.

— Тогда мне нужна заверенная выписка.

Кервин сделал запись.

Потом неожиданно произнес:

— Я помню вашу мать.

Я подняла голову.

— Правда?

Он слегка улыбнулся.

— Она приходила сюда после заключения договора. Проверяла регистрацию лично. Очень сердито ругалась на то, как у нас хранят чертежи.

Я невольно рассмеялась.

— Это похоже на нее.

— Она сказала, что старые бумаги боятся не времени, а невнимательных людей.

Кервин осторожно закрыл реестр.

— И просила передать вам одну вещь, если когда-нибудь вы придете по этому вопросу.

Я замерла.

— Что именно?

Он посмотрел на меня.

— Что договоры нужно читать целиком. Особенно тогда, когда все вокруг уверяют, что в них нет ничего интересного.

Несколько секунд я молчала.

Потом почувствовала, как к горлу подступает ком.

Мать умерла семь лет назад. А оставленные ею документы и эта просьба все еще помогали мне.

— Спасибо, — тихо сказала я.

Кервин поклонился.

— Я подготовлю выписку.

Когда мы вышли из архива, Нора остановилась на ступенях.

— Ну что?

Я посмотрела на заверенный документ.

— Залог зарегистрирован.

— Это хорошо.

— Но пока не доказывает, что все требования можно взыскать именно сейчас.

— Не доказывает, — согласилась она. — Нужно проверить реальный остаток долга и действительность отсрочек.

Нора посмотрела на меня внимательнее.

— Лея, ты понимаешь, что происходит?

— Пока только начинаю.

— Ты собираешься судиться с собственным мужем за имущество, без которого он привык представлять себе свою власть.

— Скоро бывшим мужем.

— Еще хуже.

Я посмотрела на темные окна суда.

— Знаешь, что меня больше всего раздражает?

— Даже боюсь предположить.

— Если бы Кайран пришел ко мне месяц назад и сказал, что хочет развода, я, вероятно, сама помогла бы ему разобраться с долгами.

Нора молчала.

— Я бы потребовала справедливых условий. Возможно, согласилась бы на еще одну отсрочку ради провинций. Мы могли решить все без скандала.

— Но он предпочел потребовать отказ от любых претензий.

— Да.

Я сложила выписку.

— И теперь мне очень хочется узнать, сколько еще вопросов он решил за меня.

Вечером Кайран приехал в дом Вальденов.

Без предупреждения.

Его появление произвело заметное впечатление на прислугу.

Белт встретил императора у ворот и предложил подождать в гостиной.

Когда мне сообщили о визите, я сидела в кабинете над финансовыми документами.

Первым желанием было отказаться от встречи.

Вторым — спуститься и спросить, не желает ли его величество получить обратно ключ от моей бывшей спальни.

Но в итоге я закрыла папку и пошла к нему.

Кайран стоял у камина.

На нем был темный дорожный камзол без парадных знаков власти.

Без парадных знаков власти он еще больше напоминал мужчину, за которого я когда-то вышла замуж.

Когда я вошла, он сразу повернулся.

— Лея.

— Кайран.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга.

Потом он произнес:

— Тебе идет этот дом.

Я невольно огляделась.

Старый ковер, потертый диван, книжные шкафы, которые отец никак не хотел менять.

— Спасибо. Он принадлежит моей семье уже больше ста лет.

Кайран кивнул.

— Я помню.

— Правда?

Он вздохнул.

— Мы обязательно будем разговаривать таким тоном?

Я подошла к креслу.

— А каким ты предпочитаешь?

— Просто нормально.

Я села.

— Тогда попробуй начать с нормального объяснения, зачем приехал.

Он остался стоять.

— Мне сообщили о твоём разговоре с канцлером.

— Быстро.

— Гердан обеспокоен.

— Это взаимно.

Кайран провел рукой по волосам.

— Лея, не нужно превращать развод в политическую войну.

Я посмотрела на него.

— Разве я ее начала?

— Ты потребовала документы из судебного архива.

— Это запрещено?

— Нет.

— Тогда в чем проблема?

Он раздраженно выдохнул.

— Ты прекрасно понимаешь.

— Нет, Кайран. Именно поэтому спрашиваю.

Муж подошел ближе.

— Я хочу, чтобы мы расстались спокойно. Без публичных обвинений, судебных тяжб и вмешательства провинциальных советов.

— Я тоже.

— Тогда подпиши соглашение.

Я медленно покачала головой.

— Нет.

Он посмотрел на меня так, словно я сказала нечто совершенно нелепое.

— Почему?

— Потому что в нем содержится отказ от долговых требований моей семьи.

— Старые договоры давно урегулированы.

— Чем подтверждено урегулирование?

Кайран замолчал.

— Ты хочешь, чтобы я прямо сейчас разбирался в финансовых документах шестнадцатилетней давности?

— Ты хочешь, чтобы я отказалась от них, даже не разобравшись.

Он подошел к окну.

Некоторое время смотрел в сад.

Потом тихо произнес:

— Ты всегда умела превращать любой разговор в спор о счетах.

Я почувствовала знакомую боль.

— А ты всегда умел пользоваться результатами этих разговоров, не интересуясь, сколько работы они потребовали.

Кайран резко повернулся.

— Я император, Лея. У меня есть дела поважнее!

Я медленно поднялась.

— А у меня их не было?

— Я не это сказал.

— Тогда что?

Он замолчал.

Я подошла ближе.

— Кайран, когда четыре года назад северные поселения остались без продовольствия, кто договаривался о поставках?

— Ты.

— Когда после весеннего наводнения казна не смогла оплатить восстановление дорог?

— Лея...

— Когда наместник Восточных земель отказался отправлять средства на содержание маяков, пока ему не компенсируют убытки?

Он раздраженно отвернулся.

— Ты прекрасно знаешь, что я ценил твою помощь.

— Нет, — тихо сказала я. — Ты ценил то, что тебе не приходилось об этом думать.

Мы замолчали.

Кайран стоял возле окна.

Я смотрела на его профиль.
Когда-то я знала это лицо лучше собственного.
Знала, как он хмурится перед трудным решением.
Как морщит нос, когда пьет слишком горячий чай.
Как едва заметно улыбается, если хочет скрыть хорошее настроение.
Теперь мне казалось, что передо мной чужой человек, который просто очень похож на моего мужа.

— Я не хотел, чтобы ты чувствовала себя ненужной, — произнес он.

Я невольно усмехнулась.

— Тогда ты выбрал удивительно неудачный способ сообщить о разводе.

Он поморщился.

— Я понимаю, что поступил жестоко.

Я подняла глаза.

Впервые за три дня он признал это прямо.

Без объяснений про государственные интересы.

Без обвинений в моей занятости.

Я невольно вслушалась в его голос: неужели он наконец понял?

Может быть, именно поэтому следующие слова оказались особенно болезненными.

— Но я не собираюсь отказываться от Илании.

Я смотрела на него.

— Я тебя и не прошу.

— Ты пытаешься затянуть процедуру.

— Нет. Я отказываюсь подписывать документы, которые лишают меня законных прав.

Это разные вещи.

Кайран провел ладонью по лицу.

— Если дело в деньгах, я увеличу содержание.

Я медленно покачала головой.

— Ты по-прежнему ничего не понял.

— Тогда объясни!

Он произнес это почти с отчаянием.

И я вдруг увидела, что Кайран действительно не понимал.

Для него все сводилось к простой сделке.

Он больше не хотел быть со мной.

Значит, надо заплатить достаточно, чтобы я ушла.

Если не соглашаюсь, следует предложить больше.

Если снова отказываюсь, значит, действую из ревности или злости.

Ему даже не приходило в голову, что я могу требовать исполнения договоров просто потому, что они существуют.

— Ты предлагаешь мне отказаться от имущества матери, — сказала я. — От долга, который твоя семья взяла у моей. От права обратиться в суд. И называешь это достойным содержанием.

Кайран нахмурился.

— Этот долг давно перестал быть семейным вопросом.

— Но не перестал существовать.

— Ты собираешься разрушить финансовую устойчивость империи ради мести?

Я почувствовала, как кровь прилила к щекам.

— Не смей.

Он замолчал.

— Не смей говорить мне, что я хочу навредить стране, — повторила я. — Шестнадцать лет я защищала ее интересы. И продолжу защищать. Но это не означает, что твоя семья может распоряжаться моим наследством.

Кайран смотрел на меня долго.

Потом произнес:

— Ты изменилась.

Я устало улыбнулась.

— Нет. Просто раньше мое упрямство было удобно тебе.

Он отвел глаза.

И неожиданно спросил:

— Ты меня ненавидишь?

Вопрос застал меня врасплох.

Я долго молчала.

Потом ответила:

— Пока нет.

Он поднял голову.

Пальцы задрожали, и я спрятала руки за спину.

— Наверное, в этом самая неприятная часть нашего разговора. Я еще люблю тебя, Кайран. Хотя очень хотела бы уже перестать.

Он сделал шаг ко мне.

— Лея...

Я отступила.

— Не надо.

Он остановился.

— Я не хотел...

— Не нужно сейчас говорить, чего ты не хотел. Ты достаточно ясно показал, чего хочешь.

Я подошла к столу.

Взяла копию брачного соглашения.

— Если развод неизбежен, пусть суд расторгнет брак. Я не стану удерживать тебя силой. Но от имущественных требований не откажусь.

Кайран помолчал.

— Ты понимаешь, что я могу оспорить каждую строчку?

— Разумеется.

— И что императорские юристы не позволят тебе просто забрать деньги из казны?

— Тогда им придется доказать, что оснований для взыскания нет.

Он посмотрел на меня с каким-то странным выражением.

— Ты всегда была опаснее, чем казалась.

Я устало вздохнула.

— Кайран, я шестнадцать лет была твоей женой. Неужели ты только сейчас это заметил?

На четвертый день нас официально развели.

В небольшом зале Клятвенного суда стоял длинный стол. За ним сидели судебные служители, перед ними лежали документы. Здесь обошлись без придворных церемоний и торжественных речей.

Председатель Савена Моррен сидела на возвышении в темной мантии.

Ей был шестьдесят один год.

Седые волосы собраны в аккуратный узел, лицо строгое, глаза внимательные.

Я встречалась с ней несколько раз на государственных приемах.

Савена никогда не стремилась понравиться придворным.

Однажды она заставила канцлера переписать целый указ из-за одного неверно употребленного слова.

С тех пор Острен называл ее женщиной с невыносимым характером.

Я считала это прекрасной рекомендацией.

Кайран сидел напротив меня.

Рядом с ним находился представитель императорской канцелярии.

Нора устроилась за моим плечом.

Судебный секретарь зачитал заявление о расторжении брака.

Формулировки были холодными.

«Прекращение совместной жизни».

«Невозможность продолжения брачного союза».

«Отсутствие согласия по вопросу имущественного урегулирования».

Я слушала и думала, как удивительно легко можно превратить шестнадцать лет в несколько строчек.

Между словами «прекращение» и «урегулирование» не находилось места ни нашим путешествиям, ни смешным семейным привычкам, ни бессонным ночам. От всей прожитой вместе жизни осталась только дата.

Савена Моррен подняла глаза.

— Император Кайран Дорвейн, вы подтверждаете, что заявление о расторжении брака подано по вашей инициативе?

— Подтверждаю.

— Вы намерены отозвать заявление?

— Нет.

Я почувствовала, как что-то болезненно сжалось внутри.

Даже сейчас.

Даже после всего случившегося.

Какая-то глупая часть меня все еще ожидала, что он передумает.

Савена повернулась ко мне.

— Лея Вальден-Дорвейн, желаете ли вы оспорить само требование о прекращении брака?

Я посмотрела на Кайрана.

Он сидел неподвижно, красивый и уверенный, и я больше не понимала, о чем он думает.

— Нет, ваша честь.

— Вы понимаете последствия?

— Да.

— Подписанное вами соглашение о добровольном отказе от имущественных требований представлено суду?

Я выпрямилась.

— Нет.

Императорский представитель поднялся.

— Ваша честь, стороны обсуждали возможность мирного урегулирования.

— Обсуждали, — подтвердила я. — Но соглашение не заключено.

Савена посмотрела на документы.

— Следовательно, вопросы имущества, содержания и долговых обязательств остаются открытыми.

— Да, ваша честь.

Кайран слегка повернулся ко мне.

Я почувствовала его взгляд.

Но не ответила.

Судья продолжила:

— Уточняю, что расторжение брака не прекращает автоматически самостоятельных имущественных требований, возникших из договоров займа, залога, наследования или закона о супружеском обеспечении. Эти требования рассматриваются отдельно.

Канцлерский представитель заметно напрягся.

Савена посмотрела на него.

— Есть возражения против такого разъяснения?

— Нет, ваша честь.

— Хорошо.

Она взяла судебную печать. На столе перед ней лежал старый клятвенный реестр.

Когда судья коснулась его печатью, по краям страницы пробежала тонкая золотая линия.

Это не было магическим разрывом какой-то невидимой связи между супругами.

Наш брак держался на законе, добровольной клятве и когда-то общей жизни.

Последнее уже разрушилось.

Теперь закон тоже признавал, что мы больше не супруги.

— На основании заявления императора Кайрана Дорвейна, отсутствия возражений второй стороны против расторжения и подтвержденного прекращения совместной жизни Клятвенный суд постановляет прекратить брачный союз, заключенный шестнадцать лет назад между Кайраном Дорвейном и Леей Вальден.

Савена сделала паузу.

— Решение вступает в силу с момента оглашения. Имущественные требования сторон сохраняются до отдельного урегулирования.

Секретарь поставил печать.

Золотая линия на странице погасла.

Все.

Я больше не была женой Кайрана.

Несколько секунд я просто сидела.

Смотрела на собственные руки.

На пустой палец.

На небольшую царапину возле запястья, оставленную вчера острым краем сундука.

Странно, что ничего не изменилось.

Сердце продолжало биться.

Воздух оставался воздухом.

Пол под ногами не исчез.

Я не стала другой женщиной только потому, что судья произнесла несколько слов.

Просто теперь мне больше не нужно было ждать, когда муж вернется домой.

Потому что у него был другой дом.

И другая женщина.

— Госпожа Вальден, — произнесла Савена.

Я подняла голову.

— Да, ваша честь?

— Вы можете получить заверенную копию решения у секретаря. Если намерены подавать самостоятельные имущественные требования, сегодня еще действует приемная палата.

Значит, подать отдельные требования можно было уже сегодня.

И впервые за все заседание почувствовала прилив сил.

— Благодарю.

Кайран поднялся раньше меня.

Он подошел к моему столу.

— Лея.

Я посмотрела на него.

— Что?

Он помолчал.

— Надеюсь, теперь мы сможем спокойно договориться.

Я медленно встала.

— Обязательно. Через суд.

На его лице мелькнуло раздражение.

— Ты действительно намерена продолжать?

— Да.

Он наклонился ближе.

— Я все еще могу предложить тебе хорошие условия.

Я посмотрела на него.

— Ты уже предложил.

— Подумай.

— Я подумала, Кайран.

И впервые за шестнадцать лет не стала ждать его ответа.

В приемной палате было прохладно.

За узкими окнами шел дождь.

Нора положила на стол три папки.

Судебный служащий поднял глаза.

— Какое заявление желаете подать, госпожа?

Я достала первый документ.

— Требование о взыскании супружеского обеспечения после расторжения династического брака.

Мужчина кивнул.

— Стандартная процедура.

— Второе заявление касается взыскания задолженности по договору займа между родом Вальден и императорским домом Дорвейн.

Он поднял голову.

— Императорским домом?

— Да.

— У вас есть подтверждение обязательства?

Нора положила на стол заверенную выписку.

Служитель внимательно изучил ее.

Затем посмотрел на меня.

— Документы подлинные?

— Подлинность подтверждена архивом вашего суда.

Он прочитал номер регистрации.

Потом перевернул страницу.

Я увидела, как медленно изменилось выражение его лица.

— Госпожа...

— Что-то не так?

— Здесь указан залог.

— Совершенно верно.

Он посмотрел на название имущества.

Потом снова на меня.

— Венец Семи Огней?

— Да.

Служитель замолчал.

Нора придвинула третью папку.

— И ходатайство о сохранении предмета залога до окончания разбирательства. Чтобы исключить отчуждение или изменение правового статуса.

Мужчина перевел взгляд с нее на меня.

— Вы понимаете, что такое ходатайство затрагивает имущество правящей династии?

— Понимаю.

— И что ответчиком выступает действующий император?

— Насколько мне известно, он все еще занимает эту должность.

Нора тихо кашлянула.

Служитель не улыбнулся.

Он взял документы и несколько минут проверял их.

Я наблюдала за его руками.

На большом пальце виднелось старое пятно чернил.

Рядом с реестром лежал недоеденный пирожок.

Совершенно обычный человек.

С совершенно обычными заботами.

А перед ним находилось заявление, которое могло вызвать скандал во всей империи.

Наконец он поднялся.

— Мне необходимо обратиться к старшему регистратору.

— Разумеется.

Он ушел.

Я осталась стоять возле стола.

Нора посмотрела на меня.

— Нервничаешь?

— Очень.

— Хочешь отозвать?

Я покачала головой.

— Нет.

— Хорошо.

Мы ждали почти четверть часа.

Потом служитель вернулся вместе с пожилой женщиной в темной судебной форме.

Старший регистратор изучила документы.

Особенно внимательно прочитала последний пункт залогового соглашения.

— Договор действительно предусматривает немедленное взыскание после прекращения брачного союза при указанных обстоятельствах, — произнесла она.

Я почувствовала, как сердце забилось сильнее.

— Значит, заявление будет принято?

— Для регистрации достаточно подтвержденного права заинтересованной стороны и надлежащего оформления требований. Окончательную действительность долга и возможность обращения взыскания установит суд.

— Я понимаю.

— Но вы должны учитывать, что ответчик вправе представить доказательства погашения, изменения обязательств либо особого правового статуса имущества.

— Разумеется.

Она посмотрела на меня.

— Вы уверены, что желаете подать именно это требование?

Я вспомнила Кайрана.

Его заявление о разводе.

Рубиновую подвеску на груди Илании.

Предложенный особняк.

Канцлера, который настойчиво убеждал меня забыть о долгах.

Материнскую записку.

И шестнадцать лет, в течение которых я считала, что любить человека означает всегда находить оправдание его решениям.

— Уверена, — ответила я.

Регистратор кивнула.

Поставила печать.

Потом вторую.

На третьем документе появилась золотая клятвенная отметка.

— Заявления приняты. Судебное рассмотрение будет назначено в установленном порядке. Уведомления направят обеим сторонам.

Я взяла заверенные копии.

Проверила, все ли три на месте, и аккуратно сложила их в папку.

Нора осторожно коснулась моего плеча.

— Ну что?

Я посмотрела на три красные печати.

— Теперь придется ждать.

— Не только ждать, — возразила она. — Собирать доказательства.

И я почувствовала облегчение: первый шаг был сделан.

Впервые за несколько дней я не пыталась понять, почему Кайран перестал меня любить.

Не искала момент, когда все пошло неправильно.

Не представляла, как он сейчас разговаривает с Иланией.

Передо мной стояла сложная и, возможно, опасная задача. Зато я понимала, с чего начать.

Нужно было установить, какой долг действительно остался за императорским домом.

Доказать действительность залога.

Проверить, не изменился ли правовой статус Венца.

И получить решение суда.

Я хорошо умела работать с документами.

Кайран не раз говорил, что моя любовь к цифрам способна свести с ума даже самого терпеливого дракона.

Теперь эта привычка могла помочь мне защитить собственные интересы.

Когда мы вернулись домой, уже стемнело.

Мира встретила нас у дверей.

— Госпожа Лея, вам доставили несколько писем.

Я сняла плащ.

— От кого?

— Одно от дворцовой службы. Два от знакомых придворных дам. И еще...

Она замялась.

— Что?

— Пришло приглашение.

Я остановилась.

— Какое?

Мира протянула плотный конверт с золотым гербом.

Я узнала печать императорского церемониймейстера.

Внутри лежала карточка.

Аккуратным каллиграфическим почерком сообщалось, что через месяц состоится торжественное представление будущей супруги императора, княжны Илании Роэн, с последующей подготовкой к церемонии коронации.

Меня приглашали присутствовать в числе почетных гостей.

Я долго смотрела на карточку.

Потом передала ее Норе.

Она прочитала.

Подняла глаза.

— Они серьезно?

— Судя по бумаге, да.

— Лея, это уже не просто наглость.

Я улыбнулась.

— Думаешь?

— Он развелся с тобой сегодня утром. А вечером прислал приглашение на представление новой жены!

— Формально пока не жены.

— Не придирайся к словам!

Я забрала карточку.

Посмотрела на золотой герб.

Черный дракон обвивал солнце.

Тот самый герб, который я когда-то вышивала на свадебном плаще Кайрана.

Теперь его собирались использовать на новой свадьбе.

Мне снова стало больно.

Но уже не так, как вчера.

Боль оставалась.

Но теперь я могла думать не только о боли. У меня были документы и право требовать их исполнения, как бы Кайран ни привык считать все решения своими.

— Мира, — позвала я.

Девушка выпрямилась.

— Да, госпожа?

— Приготовь ответное письмо.

— Что написать?

Я задумалась.

Нора смотрела на меня с явным интересом.

— Поблагодари за приглашение. Сообщи, что решение о присутствии приму позднее.

Мира удивленно моргнула.

— И все?

— Пока да.

Нора расхохоталась.

— Ты собираешься оставить их в неизвестности?

— Почему бы и нет? Кайран почти год держал меня в неведении относительно собственной семейной жизни. Полагаю, один месяц ожидания не причинит ему непоправимого вреда.

Мира наконец улыбнулась.

Она ушла писать ответ.

Я прошла в кабинет.

На столе лежали материнские документы.

Рядом — три заверенные копии судебных заявлений.

Я положила приглашение между ними.

Слова о будущей коронации теперь выглядели несколько иначе.

Еще вчера я думала, что Илании достаточно надеть белое платье, пройти по залу и получить Венец Семи Огней из рук Кайрана.

Но после встречи с судебным регистратором знала: все не настолько просто.

Корона была заложена.

Долг, судя по документам, не погашен.

И пока суд не установит обратного, у рода Вальден имелись основания требовать исполнения договора.

Нора подошла ко мне.

— Ты понимаешь, что император попытается оспорить залог?

— Конечно.

— Канцлер найдет десяток причин, почему древнее соглашение больше не действует.

— Пусть предъявит документы.

Она внимательно посмотрела на меня.

— А если суд встанет на их сторону?

Я помолчала.

Риск существовал.

Старые договоры могли содержать неизвестные дополнения.

Оценка имущества могла оказаться другой.

Долг могли частично погасить законными выплатами, о которых я пока не знала.

А императорские юристы имели достаточно опыта, чтобы использовать каждую неточность.

— Тогда будем разбираться, почему, — ответила я. — И решать, есть ли основания оспаривать постановление.

Нора кивнула.

— Хорошо.

Я посмотрела на нее.

— Что?

— Именно это я хотела услышать.

— Что я не собираюсь сдаваться?

— Что ты сначала проверишь документы. Сдаваться я от тебя и не ждала.

Я улыбнулась.

Подруга подошла к окну.

— Кстати, сегодня из Северной провинции пришли сведения о новых задержках в распределении средств на маяки.

Я подняла голову.

— Снова?

— Да. Господин Острен распорядился временно перенести часть платежей в резерв канцелярии.

— На каком основании?

— Секретное распоряжение.

Я медленно опустилась в кресло.

— Он очень полюбил это словосочетание.

— Особенно когда речь идет о больших деньгах.

Нора развернула принесенный отчет.

На последней странице стояла отметка об очередном платеже.

Получателем значилось не инженерное управление, а специальное казначейское подразделение.

Я внимательно прочитала строку.

— Странно.

— Что именно?

— Здесь указаны расходы на замену накопителя седьмого маяка.

Нора наклонилась ближе.

— И что?

Я достала из стопки старый технический отчет матери.

Нашла схему.

Седьмой маяк находился на северо-восточной границе, в самом сложном участке защитной сети.

Он действительно требовал более частых проверок.

Но его основное огненное сердце было установлено последним, уже после того, как остальные шесть башен начали работать.

Мать гордилась этим сердцем больше остальных.

Она лично проверяла каждый расчет.

— Если память мне не изменяет, основной накопитель седьмого маяка рассчитан на очень долгую эксплуатацию, — сказала я.

Нора посмотрела на отчет.

— Возможно, речь о вспомогательном оборудовании.

— Возможно.

Я перевернула страницу.

Платеж был утвержден несколько месяцев назад.

Но в документе ссылались на старую программу ремонта.

Четырехлетней давности.

Я нахмурилась.

— Нужно получить техническое заключение.

— Сейчас?

— Не обязательно сегодня. Но до конца недели.

Нора кивнула.

Мы еще несколько минут обсуждали расходы.

Потом она собрала бумаги.

— Завтра нам нужно будет встретиться с оценщиком, который имеет право работать с магическими реликвиями.

Я посмотрела на нее.

— Уже нашла?

— Двух. Один отказался, когда услышал, о каком имуществе идет речь.

— А второй?

Нора улыбнулась.

— Сказал, что хочет сначала увидеть документы.

— Разумный человек.

— Очень. Правда, добавил, что нам понадобится специалист по старым драконьим клятвам.

Я вздохнула.

— Прекрасно. Скоро придется собирать собственный маленький судебный совет.

— Это дешевле, чем позволить канцлеру распоряжаться твоим наследством.

Я улыбнулась.

Но когда Нора ушла, осталась сидеть над документами.

Долго.

Пока часы не пробили одиннадцать.

Потом достала из ящика старый компас.

Тот самый, который так и не подарила Кайрану.

Открыла крышку.
Стрелка дрогнула.
Повернулась.
Остановилась.
Я задумалась о том, сколько раз за последние годы пыталась сохранить наш брак.
Сколько раз убеждала себя, что нужно потерпеть.
Подождать.
Не мешать.
Промолчать.
Не требовать слишком многого.
Теперь суд официально подтвердил, что брак закончился.
И, как ни странно, именно после этого у меня впервые появилась возможность перестать ждать.
Я закрыла компас.
Взяла чистый лист бумаги.
Написала наверху:
«Имущественные требования рода Вальден к дому Дорвейн».
Ниже перечислила необходимые доказательства.
Первоначальный договор.
Все зарегистрированные изменения.
Подлинные записи о погашениях.
Соглашения об отсрочках.
Подтверждение права собственности на залог.
Официальная оценка Венца.
И последнее — отдельной строкой:
«Доказать наступление срока исполнения обязательств».
Я посмотрела на слова.
Четыре дня назад Кайран объявил, что больше не нуждается во мне.
Сегодня суд официально прекратил наш брак.
А вместе с ним, если материнские документы были составлены так безупречно, как я надеялась, закончилась и отсрочка, которой императорский дом пользовался шестнадцать лет.
Я взяла судебную выписку и положила ее поверх договора.
Теперь у меня были обе необходимые даты.
Дата заключения займа.
И дата прекращения брака.
Оставалось выяснить, сколько Кайран действительно должен.
Я погасила настольную лампу и поднялась.
В коридоре горел один светильник.
Из кухни доносился тихий разговор прислуги.
Где-то наверху скрипнула дверь.
Дом Вальденов постепенно возвращался к жизни.
Я остановилась у окна.
За стеклом шел мелкий осенний дождь.
Город спал.
Далеко на холме возвышался императорский дворец.
Его башни сияли золотыми огнями.
Наверняка Кайран уже обсуждал с Иланией будущую свадьбу.
Возможно, они выбирали наряды.
Гостей.

Музыку.

А может быть, уже решали, какая из коронных драгоценностей лучше подойдет к ее белым волосам.

Я не знала.

И в этот вечер не пыталась это выяснить.

Мое внимание занимало другое.

Когда мы с Кайраном поженились, мать настояла, чтобы долг его династии был защищен залогом.

Тогда мне казалось, что она слишком мало доверяет любимому человеку.

Шестнадцать лет спустя я начинала понимать ее гораздо лучше.

Мой бывший муж предложил мне содержание, словно шестнадцать лет брака были долгой службой, за которую полагалась небольшая пенсия.

Но я не собиралась выпрашивать у него милостыню.

Я требовала только то, что принадлежало мне по закону.

И если для исполнения старого долга придется обратиться к самой дорогой реликвии дома Дорвейн, значит, Кайрану придется привыкнуть к одной неприятной мысли.

После развода он больше не имел права решать за меня, от чего я должна отказаться.

Даже если речь шла о его собственной короне.

Глава 3. Император тоже должник

Наутро после развода Кайран прислал мне два письма.

Первое содержало требование прекратить необоснованные имущественные притязания, способные нанести ущерб интересам императорского дома.

Второе было написано лично.

Всего четыре строчки.

«Лея, я прошу тебя одуматься. Мы прожили вместе шестнадцать лет, и мне хотелось бы сохранить хотя бы уважение друг к другу. Не позволяй посторонним людям превращать наше расставание в судебную войну. Кайран».

Я прочитала оба письма за завтраком.

Потом аккуратно сложила второе, убрала в ящик стола и взялась за первое.

Сохранить уважение.

Замечательное предложение от мужчины, который всего пять дней назад посадил любовницу на мое место за праздничным столом.

— Неужели ничего не скажешь? — спросила Нора.

Она сидела напротив, намазывая масло на хлеб, и с таким интересом наблюдала за мной, будто ожидала немедленного появления драконьего огня.

— Что именно?

— Например, что твой бывший муж окончательно потерял совесть.

— Это не новость. А повторять уже известное мне неинтересно.

Нора хмыкнула, а я развернула официальное уведомление.

Юристы императорского дома намеревались оспаривать практически все: действительность залогового соглашения, размер первоначального долга, порядок его погашения, наступление срока исполнения обязательств и саму возможность обращения взыскания на Венец Семи Огней.

Последнему пункту посвятили почти целую страницу.

В нем говорилось, что корона, несмотря на свое династическое происхождение, приобрела особое государственное значение и не может рассматриваться как обычное имущество.

— Вот с этого они и начнут, — сказала я.

Нора отложила хлеб.

— С чего?

— С утверждения, что корона слишком важна для империи, чтобы возвращать долги.

— Удобно.

— Особенно если вспомнить, что именно под ее залог императорский дом получил семь огненных сердец.

Я взяла перо и подчеркнула нужный абзац.

— Если Кайран собирается утверждать, что Венец нельзя использовать для погашения долга, пусть объяснит, зачем его семья предложила эту реликвию в обеспечение займа.

— Скажет, что договор заключали другие люди.

— Его отец заключал. Кайран подтвердил условия после восшествия на престол.

— Возможно, забыл.

Я подняла глаза.

Нора совершенно серьезно добавила:

— Императоры, насколько я заметила, отличаются удивительно короткой памятью, когда речь идет об их обязательствах.

Я усмехнулась.

Но настроение быстро испортилось.

Внизу письма находилось еще одно требование: императорский дом просил суд запретить мне публично обсуждать условия старого договора до окончания разбирательства.

Это уже было неприятнее.

— Они хотят заставить меня молчать, — произнесла я.

Нора придвинула письмо.

Прочитала.

— На каком основании?

— Разглашение сведений, связанных с безопасностью защитной сети.

— Ты не собираешься рассказывать об устройстве каждой башни первому встречному.

— Им это неважно.

Я отложила письмо.

Похоже, канцлера Острена тревожила огласка.

Если документы матери окажутся действительными, Кайран не сможет просто назначить новую свадьбу, раздать придворным указания и сделать вид, будто шестнадцати лет нашего брака не существовало.

Придется отвечать на вопросы.

Причем не только мои.

Семь провинций имели собственных представителей, и далеко не все они любили императорскую канцелярию.

Особенно те, кому регулярно отказывали в дополнительных средствах на защитные сооружения.

— Когда слушание? — спросила Нора.

Я нашла дату на последней странице.

— Через два дня. Суд объединил предварительное рассмотрение требований с ходатайством об охране заложенного имущества.

— Быстро.

— Канцелярия собирается использовать Венец на новой церемонии. Мать предусмотрела ускоренное рассмотрение, если возникает риск распоряжения залогом без согласия кредитора.

Нора посмотрела на меня.

— Ты уверена, что этот пункт действительно действует?

— Нет. Именно поэтому сегодня мы встречаемся с юристом.

— А оценщик?

— В половине второго.

— Финансовые документы?

— На столе.

— Копии судебного реестра?

— В верхнем ящике.

Нора подозрительно прищурилась.

— Ты вообще спала?

Я посмотрела на остывшую чашку.

— Часа три.

— Лея.

— Не начинай.

— Не собиралась. Просто напоминаю, что если ты рухнешь посреди суда от усталости, Кайран непременно объяснит это твоей эмоциональной нестабильностью.

Я сделала глоток чая.

— Тогда придется постараться рухнуть непосредственно на его юриста.

Нора рассмеялась.

В кабинет заглянула Мира.

— Госпожа Лея, к вам пришла портниха.

Я недоуменно посмотрела на нее.

— Какая портниха?

— Из дворца. Говорит, необходимо снять мерки.

Нора перестала смеяться.

— Зачем?

Мира замялась.

— Для новых траурных платьев.

Я медленно поставила чашку.

— Траурных?

— Да, госпожа.

— Кто умер?

Девушка покраснела.

— Никто. Это... придворная традиция. После расторжения династического брака бывшая супруга должна некоторое время носить темные цвета.

Я на секунду закрыла глаза: двор продолжал распоряжаться даже цветом моих платьев.

— Мира, передай портнихе, что благодарю за заботу. Но поскольку я не умерла, траур носить не собираюсь.

Нора прикрыла рот ладонью.

Мира с трудом сдержала улыбку.

— Хорошо, госпожа.

Когда дверь закрылась, я вновь посмотрела на императорское письмо.

Кайран хотел, чтобы мы сохранили уважение.

Наверное, мне следовало начать с того, чтобы не позволять его придворным заранее устраивать мои похороны.

Юриста звали Ирда Мельнер.

Ей было пятьдесят четыре года, и она произвела на меня впечатление еще до первых слов.

Ирда пришла без свиты, без лишних украшений и без всякого почтения к обстановке моего дома.

Увидев в гостиной большой портрет родителей, она остановилась.

— Ардис Вальден?

— Моя мать.

— Помню ее.

Я невольно улыбнулась.

— Вы были знакомы?

— Однажды представляла интересы подрядчика, с которым она судилась. Ваша мать за полчаса доказала, что мой доверитель неправильно рассчитал нагрузку на защитную башню.

— И вы проиграли?

Ирда сухо улыбнулась.

— Разумеется. Зато после заседания предложила мне поработать над ее договорами.

— Вы согласились?

— Нет. Тогда я была слишком самолюбива.

Она прошла к столу.

— Теперь жалею. Женщина, способная так составлять технические приложения, заслуживает уважения.

Мне неожиданно стало приятно.

Ирда села, развернула принесенные документы и сразу перешла к делу.

— Я изучила копию вашего залогового соглашения, госпожа Вальден. Скажу прежде всего, чего обещать не могу.

Нора устроилась сбоку с чистой тетрадью.

— Слушаем.

— Я не могу обещать, что суд отдаст вам Венец. Не могу обещать, что императорский дом не представит дополнительных соглашений. И совершенно точно не могу обещать спокойное разбирательство.

— А что можете? — спросила я.

— Подготовить доказательства так, чтобы противная сторона была вынуждена спорить с документами, а не с вашими чувствами.

Я придвинулась ближе.

— Именно это мне и нужно.

Ирда положила перед нами лист.

На нем было четыре колонки: первоначальное обязательство, подтвержденные выплаты, спорные зачеты и непогашенный остаток.

— Вашей матери удалось обеспечить довольно необычный договор, — сказала она. — Семь магических сердец переданы для восстановления государственных сооружений, но должником выступает лично императорский дом.

— Иначе мать не согласилась бы на сделку.

— Правильно сделала. Государственная казна могла бы сослаться на чрезвычайные обстоятельства и пересматривать сроки. Династическое обязательство защищено гораздо строже.

Ирда указала на первую строку.

— Здесь первоначальная оценка составляет четыре миллиона триста тысяч золотых марок.

Сумма была огромной.

За такие деньги можно было восстановить несколько городских кварталов, построить десятки мостов или содержать целую пограничную крепость в течение многих лет.

Но огненные сердца не являлись обычными драгоценными камнями.

Их невозможно было просто добыть в шахте.

На создание каждого уходили десятилетия сложной магической обработки.

Мать говорила, что семь сердец — практически все наследство нашего рода, если не считать земель и нескольких старых домов.

— Действительными погашениями пока подтверждены только три выплаты, — продолжила Ирда. — Остальное казначейство проводило взаимными зачетами.

— Именно это мы обнаружили, — подтвердила Нора.

— И многие зачеты выглядят неправомерными. Содержание защитных башен — обязанность государства. Нельзя одновременно пользоваться чужим источником, записывать расходы на его обслуживание в счет возврата займа и продолжать считать сам источник предоставленным по договору.

— Я тоже так думаю, — сказала я.

Ирда подняла палец.

— Думать недостаточно. Нужно доказать, что стороны не согласовали такой порядок расчетов.

Я открыла материнскую папку.

— В первоначальном соглашении есть отдельный раздел о расходах на эксплуатацию.

Она быстро нашла нужную страницу.

Прочитала.

Затем посмотрела на меня.

— Вы уверены, что канцлер видел этот пункт?

— Не знаю. Возможно, он вообще не перечитывал технические приложения и просто хочет исключить любые требования.

— Нет, — возразила Ирда. — Он видел. Иначе не стал бы так торопиться.

Она вновь склонилась над документами.

— Ваша мать разделила два обязательства. Династия возвращает стоимость переданных источников, государственная казна финансирует их эксплуатацию. Это не одно и то же.

Нора записала что-то в тетрадь.

— Значит, можно требовать весь непогашенный остаток?

— Сначала надо исключить действительно произведенные выплаты. Затем проверить каждый зачет. Кроме того, возможны проценты за нарушение первоначальных сроков.

Я нахмурилась.

— Мать не хотела разорять империю.

Ирда подняла глаза.

— Ваша мать заключила договор с состоятельной правящей династией. Если эта династия потратила деньги на дворцы, приемы и собственные удовольствия вместо погашения долга, ответственность лежит не на кредиторе.

Я промолчала.

Признавать это было неприятно, но спорить с ней я не могла.

— Теперь Венец, — продолжила она.

Перед нами появился второй лист.

— Императорский дом утверждает, что корона является государственным символом и потому не подлежит взысканию.

— Но в реестре она числится частной собственностью династии, — сказала я.

— Да. Однако противная сторона попытается доказать, что ее функции изменились.

— Какие именно?

— Венец используется при большом обновлении защитных маяков. Императорские юристы могут утверждать, что передача частному лицу создает угрозу безопасности.

Я задумалась.

— Владение реликвией и ее использование — разные вещи.

Ирда посмотрела на меня с интересом.

— Продолжайте.

— Если Венец действительно необходим для работы защитной сети, можно закрепить порядок доступа к нему независимо от того, кто является собственником. Государство ведь не обязано владеть каждым инструментом, который используется на его службе.

Юрист медленно улыбнулась.

— Ваша мать бы одобрила.

— Она бы потребовала еще три независимых заключения.

— И была бы права.

Ирда закрыла папку.

— Суд вызвал специалиста по техническому назначению Венца. Мне сообщили сегодня утром.

— Кого?

Она просмотрела свои записи.

— Тарена Эшвальда.

Нора подняла голову.

— Того самого?

Я посмотрела на подругу.

— Ты его знаешь?

— Лично нет. Но его имя несколько лет назад постоянно появлялось в северных отчетах. Ирда кивнула.

— Бывший командующий Северным рубежом. Дракон. Занимался охраной и техническим сопровождением маяков.

Я нахмурилась.

— Его же отстранили после аварии четыре года назад?

— Именно.

Я вспомнила смутные разговоры.

Тогда произошла какая-то трагедия на северной границе.

Несколько солдат погибли.

Командующего обвинили в самовольном изменении приказа и отстранили от службы.

Дело проходило через императорский совет.

Я подписывала часть финансовых заключений, но почти не участвовала в разбирательстве.

В тот год на юге свирепствовала лихорадка, две провинции спорили о поставках, а казна задерживала выплаты строителям.

Я с трудом помнила подробности.

— Почему вызвали именно его? — спросила я.

— Потому что он один из немногих людей, имеющих право свидетельствовать о технических свойствах Венца и устройстве северной части защитной сети. Его отстранение от командования этого права не лишило.

Ирда сделала паузу.

— Предупреждаю сразу: он не любит императорский двор.

— По понятным причинам, — заметила Нора.

Юрист посмотрела на меня.

— И, насколько мне известно, вас в том числе.

Я почувствовала легкое раздражение.

— Мы никогда не встречались.

— Это не обязательно, чтобы иметь основания для неприязни.

Я не стала спорить.

Слишком многие люди в империи знали мое имя по распоряжениям, под которыми стояла моя подпись.

Возможно, Тарен Эшвальд был одним из них.

После ухода Ирды я попросила Белта подготовить семейный архив к проверке.

Управляющий привел двух молодых служащих и поставил возле стола дополнительную лампу.

— Если собираетесь работать до ночи, хотя бы при хорошем освещении, — сказал он.

— Вы сговорились с Норой?

— Мы с госпожой Севир редко спорим, когда дело касается вашего здоровья.

— Заговор в собственном доме.

Белт невозмутимо поклонился.

— Семейная традиция, госпожа.

Я улыбнулась.

Но когда он ушел, вновь погрузилась в документы.

Мне требовалось найти первоначальные описи огненных сердец, составленные перед передачей императорскому дому.

Юрист объяснила, что эти описи помогут доказать: сердца принадлежали Вальденам, их предоставили по оцененному займу, а не передали в дар государству.

Я хорошо помнила день, когда мать отправляла их во дворец.
Семь тяжелых футляров, каждый запечатан родовой печатью.
Отец стоял возле лестницы и выглядел так, будто провожает на войну собственных детей.
Мать проверяла крепления.

Я тогда спросила:

— Неужели эти камни действительно стоят столько денег?

Она ответила:

— Они стоят еще дороже, Лея. Потому что иногда цена вещи определяется не золотом, а тем, сколько жизней она способна сохранить.

Я нашла нужную папку в нижнем шкафу.

Открыла.

Семь описей.

Сердца имели собственные обозначения, даты обработки и магические характеристики.

На полях мать оставила маленькие замечания.

Возле первого написала: «Излишне мощный для южного узла. Проверить распределение».

Возле третьего: «Хорошая устойчивость, но требует особого крепления».

А рядом с седьмым стояло:

«Северный край. Последняя установка. Проверять контрольные показатели после каждой большой бури».

Я задержалась на этой записи.

Седьмой маяк всегда считался самым сложным.

Он стоял возле Пепельного разлома, где воздушные потоки менялись внезапно.

Мать лично руководила установкой источника.

Несколько месяцев не возвращалась домой.

А когда закончила работу, сказала, что наконец может спать спокойно.

Я провела пальцем по ее почерку.

Вспомнила недавние выплаты за ремонт северного накопителя.

Почему эти расходы проводились через закрытый резерв канцлера?

Если маяк нуждался в ремонте, техническое управление обязано было составить отчет.

Но мне не удалось получить его даже через собственные прежние полномочия.

Теперь, после развода, доступ становился еще сложнее.

Я сделала пометку.

«Запросить текущие контрольные показатели седьмого маяка».

Затем вернулась к залоговому договору.

Суд требовал точных доказательств.

Мое возмущение изменой не имело к ним никакого отношения.

И, пожалуй, это было правильно.

Закон не должен становиться оружием только потому, что кому-то разбили сердце.

Но он обязан работать, когда один человек пытается присвоить имущество другого.

Даже если первый носит императорскую корону.

На следующий день мы с Норой отправились в частную мастерскую оценщика, которого она нашла.

Господин Тамир Лосс оказался невысоким мужчиной с лысиной, густыми бровями и привычкой осматривать посетителей так, словно определял качество металла, из которого они изготовлены.

— Я не стану оценивать Венец по рисункам, — сообщил он вместо приветствия.

Я остановилась на пороге.

— Доброе утро и вам.

Он недовольно махнул рукой.

— Входите. Но сразу предупреждаю: если вы хотите услышать красивую сумму, найдите придворного ювелира. Он назовет вам любую.

— Мне нужна настоящая оценка.

— Тогда придется получить доступ к реликвии.

Мы прошли в комнату, заставленную весами, магическими линзами и небольшими железными футлярами.

На стенах висели схемы древних украшений.

Некоторые я узнала.

Короны прежних драконьих правителей.

Родовые жезлы.

Клятвенные печати.

Тамир указал на стул.

— Документы.

Я положила перед ним судебную выписку.

Он долго изучал ее.

Потом снял очки.

— Надо же.

— Что?

— Всю жизнь мечтал увидеть человека, который действительно решил взыскать императорскую корону.

Нора тихо кашлянула.

Я улыбнулась.

— Вы готовы помочь?

— Оценить — да. Участвовать в ваших семейных ссорах — нет.

— Меня вполне устроит первое.

Он перевернул страницу.

— Венец Семи Огней нельзя оценивать только по весу золота и стоимости камней. Это древняя драконья реликвия с действующей системой клятвенной регистрации и магического согласования.

— Значит, ее цена выше материальной?

— Намного.

— Можно установить предварительный диапазон?

Тамир задумался.

— По старым описям — да. Но заключение получится условным.

Он подошел к шкафу.

Достал толстую книгу.

На обложке было написано: «Династические реликвии Эстрана. Каталог частных собраний».

Тамир открыл страницу с изображением Венца.

— Вот. Описание составлено почти сорок лет назад.

На рисунке я увидела знакомую корону.

Семь крупных камней располагались по золотому ободу, соединенные тонкими перемычками в форме драконьих крыльев.

Когда Кайран надевал ее на церемониях, камни начинали светиться.

Я всегда считала это красивым эффектом древней магии.

Теперь мне впервые пришлось в голову, что каждый из них может быть связан с определенным маяком.

— Важная деталь, — сказал Тамир. — Венец нельзя считать обычной короной. В нем хранятся записи древних клятв, а магическая система позволяет согласовывать защитные маяки при большом обновлении.

— Насколько часто проводится такое обновление?

— По установленному циклу. Ближайшее назначено примерно через месяц.

Я подняла глаза.

— Через месяц?

— Да.

Срок совпадал с подготовкой новой императорской церемонии.

Неудивительно, что канцлер торопился.

Если Венец потребуется для обновления защиты, Кайран сможет утверждать, что его передача мне создаст угрозу для государства.

— А если корона окажется в частной собственности? — спросила я.

Тамир пожал плечами.

— Собственность сама по себе ничего не меняет. Маяки не различают, у кого находится документ о владении. Но во время большого обновления потребуется законный хранитель Венца или его согласие на применение реликвии.

— То есть если я стану владелицей, защитные башни не погаснут?

Он посмотрел на меня так, будто я спросила, перестанут ли идти часы после продажи дома часовщика.

— Конечно, нет. Они работают на собственных сердцах.

— Хорошо.

— Но если вы запрете Венец в сундук и откажетесь предоставлять его для обновления, возникнет серьезная проблема.

Я кивнула.

— Этого я не собираюсь делать.

Тамир внимательно посмотрел на меня.

— Тогда вам понадобится не только оценка. Понадобится юридически закреплённый порядок использования.

Я сделала пометку.

— Спасибо.

Он усмехнулся.

— Пока не благодарите. Сначала добейтесь, чтобы мне разрешили осмотреть корону.

На обратном пути Нора спросила:

— Ты заметила?

— Что?

— Все время, пока мы говорили об оценке, ты спрашивала, не пострадают ли маяки.

Я посмотрела на нее.

— Разве это странно?

— Нет. Просто бывший муж наверняка уже убедил половину дворца, что ты собираешься продать Венец иностранцам.

— Почему иностранцам?

— Потому что звучит страшнее, чем «бывшая жена хочет получить законное обеспечение».

Я вздохнула.

— Иногда мне кажется, что канцлер сочиняет обвинения быстрее, чем получает утренние отчеты.

Нора посмотрела в окно.

— В его возрасте человеку необходимы увлечения.

Во второй половине дня мне пришлось вернуться во дворец.

Не к Кайрану.

За документами.

Мои прежние полномочия прекратились вместе с браком, но в личном финансовом кабинете оставались семейные записи и копии договоров, которые принадлежали мне.

Суд разрешил забрать их в присутствии служителя.

Я не ожидала, что обычная поездка окажется такой неприятной.

У западных ворот меня остановил новый начальник караула.

Молодой дракон с рыжеватыми волосами долго изучал разрешение.

— Мне необходимо подтвердить право прохода, госпожа.

— Подтверждайте.

Он отправил одного из стражников за старшим.

Мы ждали почти двадцать минут.

Нора стояла рядом, скрестив руки. Назначенный судом служитель еще раз предъявил начальнику караула свое удостоверение: вывоз документов он должен был подтвердить лично.

— Очень подозрительная преступница, — пробормотала она. — Собирается забрать собственные бумаги.

Я покосилась на нее.

— Тише.

— А вдруг стены услышат?

— Стены здесь слышат все. Просто обычно докладывают канцлеру.

Подруга хмыкнула.

Наконец нам разрешили пройти.

Дворец выглядел прежним.

Но в моем бывшем кабинете уже сменили занавеси.

Вместо темно-синих висели светло-золотые.

На письменном столе стояла новая ваза.

Мои книги перенесли в шкаф.

Я остановилась возле двери.

Шестнадцать лет я работала здесь.

Теперь даже запах был другим.

Пахло сладкими цветами, которые я никогда не любила.

— Госпожа Вальден?

Я обернулась.

На пороге стояла Илания Роэн.

В светло-голубом платье, с аккуратно уложенными волосами и той самой рубиновой подвеской.

Она была красива.

Не так, как я.

Совсем по-другому.

Молодое лицо, яркие губы, уверенная улыбка человека, который привык получать желаемое.

Я посмотрела на украшение.

Илания заметила мой взгляд.

— Кайран разрешил мне пользоваться некоторыми драгоценностями.

— Это видно.

Она вошла, остановилась возле стола.

— Я хотела поговорить с вами.

Нора сделала движение вперед, но я остановила ее взглядом.

— Слушаю, княжна.

Илания помедлила.

— Мне жаль, что наше знакомство сложилось таким образом.

Я посмотрела на нее.

— Неужели?

— Я понимаю, что вы обижены.

— Княжна, давайте сразу договоримся. Не называйте год обмана и публичный развод обидой. Мы обе достаточно взрослые женщины, чтобы выбирать точные слова.

Она чуть приподняла подбородок.

— Хорошо. Мне жаль, что Кайран причинил вам боль.

— А вас это удивило?

— Что именно?

— Что женатый мужчина, который почти год встречается с другой женщиной, причиняет боль супруге.

Илания сжала пальцы.

На мгновение ее уверенность пошатнулась.

Потом она ответила:

— Наши отношения не начинались как попытка разрушить ваш брак.

— А как они начинались?

— Мы сблизились во время переговоров. Я не собиралась становиться его любовницей.

— Но стали.

— Да.

Она не отвела глаза.

Я неожиданно почувствовала уважение к этой короткой честности.

Совсем небольшое.

Но все же.

— И теперь собираетесь стать императрицей, — сказала я.

— Если все пройдет так, как задумано.

— Признаться, после того, что произошло на годовщине, я уже не слишком заинтересована в ваших планах.

Илания прошла к окну.

— Я знаю о ваших имущественных требованиях.

Я ничего не ответила.

Вот оно.

Наконец причина визита.

— Кайран обеспокоен, — продолжила она.

— Он сообщил мне об этом письменно.

— Вы же понимаете, что Венец Семи Огней принадлежит императорскому дому.

— Именно. И именно этот дом предоставил его в залог.

Она повернулась.

— Это государственная реликвия.

— Правовой статус имущества устанавливается не по тому, насколько оно красиво смотрится на голове правителя.

Илания нахмурилась.

— Не нужно говорить со мной так, будто я ничего не понимаю.

— Тогда не объясняйте мне мои собственные договоры.

Несколько секунд мы смотрели друг на друга.

Потом она неожиданно села.

Не спросив разрешения.

Впрочем, кабинет уже перестал быть моим.

— Вы знаете, что мой отец добивается торгового соглашения с империей почти десять лет? — спросила Илания.

— Знаю.

— Для Роэна это не просто вопрос денег. Наши южные гавани теряют доходы. Несколько городов зависят от новых поставок магического металла.

— Тогда надеюсь, соглашение будет выгодным обеим сторонам.

— Для него требуется надежный династический союз.

Я посмотрела на нее.

— И корона на вашей голове?

Она выпрямилась.

— Я не собираюсь извиняться за желание стать императрицей.

— Я и не прошу.

Илания нахмурилась сильнее.

Кажется, она ожидала слез, ссоры или оскорблений.

Но я слишком устала, чтобы дарить ей зрелище, ради которого меня потом назвали бы неуравновешенной бывшей супругой.

— Я пришла сказать, что готова обсудить с вами достойную компенсацию, — произнесла она.

Я едва заметно улыбнулась.

— Как предусмотрительно.

— У моего отца достаточно средств, чтобы помочь урегулировать спор.

— Вы предлагаете заплатить долг императорского дома?

Илания замолчала.

— Нет. Я говорю об отдельной договоренности.

— Тогда не вижу смысла.

Она резко поднялась.

— Вы намерены испортить нашу свадьбу?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— Княжна, я намерена получить то, что принадлежит моей семье. Если из-за этого у вас возникнут сложности с украшениями или церемониями, обратитесь к человеку, который предоставил залог и не вернул долг.

Она смотрела на меня с плохо скрываемой злостью.

Потом произнесла:

— Кайран предупреждал, что вы умеете превращать любой разговор в финансовый спор.

Я почувствовала знакомый укол.

Даже здесь.

Даже через нее.

Бывший муж продолжал объяснять свою измену моей привычкой считать деньги.

Я медленно закрыла папку.

— Надеюсь, однажды вам не придется выяснять, насколько полезна эта привычка, когда любимый мужчина решит, что вы ему больше не подходите.

Илания побледнела.

На мгновение мне стало стыдно за свои слова.

Не потому, что они были ложью.

Потому что я сознательно хотела причинить ей боль.

Но извиняться не стала.

Она сама подошла ко мне, чтобы добиться отказа от требований, а не выразить сожаление.

— Желаю вам удачи, госпожа Вальден, — холодно сказала Илания.

— Взаимно, княжна.

Когда она ушла, Нора выдохнула.

— Я ожидала, что вы начнете бросаться книгами.

— Это хорошие книги.

— Ты очень бережно относишься к имуществу.

Я улыбнулась.

Потом снова вспомнила рубиновую подвеску.

Не само украшение причиняло боль.

А то, с какой легкостью Кайран отдавал другой женщине вещи, которые когда-то имели значение для нас двоих.

Я заставила себя вернуться к документам.

На столе лежала старая папка с расходами по восстановлению Северного рубежа.

Я уже собиралась убрать ее в сундук, когда заметила знакомую подпись.

Свою.

Четырехлетней давности.

На документе значилось:

«Финансовое заключение по итогам расследования нарушения приказа командующим

Т. Эшвальдом».

Я нахмурилась.

Странно.

Не помнила, чтобы занималась непосредственно военным делом.

Взяла лист.

Прочитала первые строки.

Речь шла об утверждении расходов, понесенных при эвакуации северных поселений после повреждения защитного поля.

Ниже находилась ссылка на итоговое заключение военной комиссии.

Оно отсутствовало.

Я перелистнула страницы.

Приложения не было. Только отметка:

«Основное дело передано в архив канцелярии».

Я нахмурилась сильнее.

Нора подошла.

— Что нашла?

— Старое заключение по делу Эшвальда.

Она посмотрела на бумагу.

— Того, который будет свидетельствовать в суде?

— Да.

— Что там?

— Ссылка на решение военной комиссии. Но самого решения нет.

Нора внимательно изучила документ.

— Ты подписывала?

— Судя по подписи, да.

Я присела на край стола.

В голове всплывали обрывки воспоминаний.

Письма о северной аварии.

Разговоры с канцлером.

Список расходов.

Солдатские семьи, которым требовались выплаты.

И общий отчет, где говорилось, что командующий нарушил приказ.

Я помнила, как сильно возмущалась гибелью людей.

Помнила, что требовала разобраться.

Но не помнила, как завершилось дело.

— Заберем копию, — решила я.

— Позже проверим полностью, — согласилась Нора.

Я положила документ в отдельную папку.

Мне предстояло выяснить, что именно я тогда утвердила.

На седьмой день после годовщины я впервые вошла в большой зал Клятвенного суда не как императрица.

У дверей стояли стражники в темно-серой форме.

Внутри уже собралось около пятидесяти человек.

Представители императорского дома.

Юристы.

Судебные служители.

Несколько членов Совета провинций.

И люди, которым удалось получить разрешение присутствовать на открытой части заседания.

В центре зала стояли два длинных стола.

Один предназначался истцу.

Другой — ответчику.

Я посмотрела на таблички.

«Лея Вальден. Истец».

«Дом Дорвейн. Ответчик».

Под второй табличкой уже лежали дорогие кожаные папки.

Мне неожиданно стало легче.

Не потому, что я собиралась победить.

Просто впервые за долгое время передо мной находились понятные правила.

Здесь Кайран не мог приказать мне замолчать потому, что являлся императором.

По крайней мере, не должен был.

Здесь документы имели значение.

И каждый обязан был объяснять свои требования.

Нора села рядом.

Ирда заняла место у края стола, разложила бумаги и проверила чернильницу.

— Помните главное, — тихо сказала она. — Не спорьте с его величеством о вашем браке.

Мы здесь не за этим.

— Знаю.

— Если вас попытаются задеть, отвечайте на вопрос, а не на намерение.

— Постараюсь.

Ирда посмотрела на меня.

— Госпожа Вальден, вы управляли императорскими финансами шестнадцать лет. Я уверена, что сумеете выдержать один разговор с юристами.

— Главное, чтобы они выдержали разговор со мной.

Она впервые за утро улыбнулась.

Затем двери в дальнем конце зала открылись.

Вошел Кайран.

Он был одет в черный императорский камзол с золотой вышивкой.
На груди сиял династический знак.
Короны на нем не было.
Разумеется.
Венец Семи Огней не использовали на обычных судебных заседаниях.
Но я невольно представила, как он лежит сейчас в сокровищнице.
За семью дверями.
Под охраной людей, которые всегда считали его собственностью императора.
Кайран заметил меня.
Наши взгляды встретились.
Он не улыбнулся.
Я тоже.

Рядом с ним шел высокий мужчина с узким лицом и серебряной цепью старшего императорского юриста.

Лорд Ферен Кальд.
Я знала его много лет.

Он умел произносить слово «нецелесообразно» так, что собеседнику хотелось немедленно извиниться за собственное существование.

Сегодня, судя по всему, он собирался применить этот талант ко мне.

За ними появился канцлер Острен.

Он внимательно осмотрел зал и сел позади императорского стола.

Нора наклонилась ко мне.

— Знаешь, чего мне сейчас хочется?

— Догадываюсь.

— Чтобы судебный служитель попросил канцлера предъявить документы, а тот обнаружил, что оставил их дома.

Я улыбнулась.

— Ты слишком добра.

В этот момент служитель объявил:

— Встать. Клятвенный суд.

Все поднялись.

Савена Моррен вошла в сопровождении двух судей.

Она заняла центральное место, положила перед собой реестр и внимательно оглядела присутствующих.

— Рассматривается дело о взыскании задолженности по договору займа между родом Вальден и императорским домом Дорвейн, а также связанное требование о супружеском обеспечении после расторжения династического брака.

Она сделала паузу.

— Напоминаю сторонам: обстоятельства личных отношений бывших супругов не относятся к предмету настоящего разбирательства, кроме тех, которые непосредственно определяют возникновение имущественных прав.

Я едва заметно улыбнулась.

Ирда оказалась права.

Савена тоже не собиралась обсуждать нашу семейную жизнь.

— Истец, подтвердите заявленные требования.

Я поднялась.

— Подтверждаю, ваша честь.

— Ответчик?

Ферен Кальд встал.

— Императорский дом требования не признает в заявленном объеме. Мы оспариваем действительность и размер задолженности, а также допустимость обращения взыскания на Венец Семи Огней.

Савена кивнула.

— Приступим.

Первый час занял разбор документов, без которых все остальные доводы не имели бы силы.

Ирда предъявила первоначальный договор.

Затем дополнительное соглашение о сроках.

После — архивную запись с клятвенным подтверждением.

Кальд возражал почти против каждого документа.

Сначала утверждал, что первоначальный договор заключен при предыдущем императоре.

Ирда показала подтверждение обязательства Кайраном после его восшествия на престол.

Затем Кальд заявил, что срок займа неоднократно продлевался.

Мы предъявили соглашения, подписанные мной.

Все они содержали одинаковое условие: отсрочка действует до исполнения обязательства либо до прекращения брака между мной и Кайраном.

Императорский юрист попытался доказать, что последняя отсрочка продлевает предыдущие независимо от семейного положения.

Савена несколько минут изучала текст.

Потом спросила:

— Где именно это написано?

Кальд замолчал.

— Ваша честь, необходимо учитывать общий смысл договоренностей.

— Общий смысл не отменяет прямо указанного условия, лорд Кальд.

— Но стороны намеревались...

— Суд устанавливает выраженную волю сторон по документам и допустимым доказательствам. Продолжайте.

Я опустила глаза, пряча улыбку.

Нора тихо придвинула ко мне стакан воды.

Следом начали разбирать расчеты.

Ферен Кальд утверждал, что большая часть задолженности давно погашена.

Ирда предъявила таблицы.

Затем попросила вызвать бывшего казначейского ревизора, который согласился подтвердить порядок учета.

Пожилой мужчина с седой бородой долго объяснял, каким образом расходы на содержание маяков записывались как погашение первоначального займа.

Кальд пытался убедить суд, что это допустимая форма взаимного зачета.

Чем дольше я слушала, тем сильнее раздражалась. За красивыми словами скрывалась простая нелепость.

Семья Вальден передала семь магических сердец.

Империя использовала их для защиты населения.

Потом тратила деньги на обслуживание башен.

И почему-то считала это возвращением долга семье Вальден.

Я подняла руку.

Савена посмотрела на меня.

— Истец желает выступить?

— Да, ваша честь.

Ирда слегка повернула голову.

Я знала, что должна быть осторожной.

Но молчать уже не могла.

— Разрешите пояснить один момент.

— Говорите.

Я встала.

— Когда моя мать заключала договор, она разделила обязательства династии и расходы государства. Дом Дорвейн обязался вернуть стоимость предоставленных источников. Государственная казна обязалась содержать сооружения, в которых эти источники использовались.

Кальд поднялся.

— Истец повторяет условия договора, которые уже представлены суду.

— Именно, — ответила Савена. — Пока не вижу нарушения процедуры.

Я продолжила:

— Если я предоставляю соседу лошадь на определенный срок за плату, он не сможет объявить, что вернул долг, потому что кормил ее сеном все время, пока пользовался.

По залу прошел негромкий смешок.

Кальд нахмурился.

— Сравнение некорректно. Речь идет о государственных защитных сооружениях.

— Тогда возьмем защитное сооружение, — спокойно сказала я. — Если подрядчик предоставляет государству семь магических источников по договору займа, расходы на их эксплуатацию не могут считаться возвратом предоставленного имущества без согласия кредитора. Где зарегистрировано такое согласие?

Кальд посмотрел на канцлера.

Острен сидел неподвижно.

— В казначейских документах, — ответил юрист.

— Документы составлены вашим же казначейством. Подписи рода Вальден на изменении порядка расчетов нет.

Савена подняла руку.

— Достаточно. Суд рассмотрит этот довод.

Я села.

Нора наклонилась ко мне.

— Лошадь была удачной.

— Спасибо.

— Надеюсь, канцлеру хватило воображения представить себя ею.

Я едва не рассмеялась.

Пришлось сделать вид, что кашляю.

После короткого перерыва началось самое неприятное.

Спор о Венце.

Ферен Кальд поднялся с таким выражением лица, будто наконец добрался до вопроса, ради которого вообще пришел.

— Ваша честь, императорский дом считает необходимым обратить внимание суда на особый характер предмета залога.

Он положил на стол изображение короны.

— Венец Семи Огней является центральной церемониальной реликвией династии, символом законности императорской власти и инструментом согласования защитной сети Эстранской империи. Передача подобного предмета частному лицу способна нарушить государственную безопасность.

Савена внимательно слушала.

Кальд продолжил:

— Даже если при заключении договора Венец рассматривался как частная наследственная собственность дома Дорвейн, за прошедшие годы его значение стало неотделимым от функций государства.

Я посмотрела на Ирду.

Она сделала короткую пометку.

Судья спросила:

— Существуют ли документы о передаче права собственности на Венец от династии государству?

Кальд выдержал паузу.

— Прямого документа нет. Однако фактическое использование...

— Я спросила о праве собственности, — перебила Савена.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.